

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУК І

УДК 811.112.2

Ж. В. Грiб¹, А. В. Дуброва²¹¹Преподавател ь кафедр ы иностранных языков,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

² Магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедр ы иностранных языков,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

**ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПОПОЛНЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

В данной статье дается понятие о научно-технической терминологии немецкого и английского языков, рассматриваются способы образования новых терминов и их роль в научно-технической литературе. Основными требованиями, предъявляемыми к языку научно-технической литературы, являются краткость изложения и точность формулировок. Для нее характерны насыщенность специальными терминами и сокращениями, традиционность в употреблении лексики, предпочтение некоторых синтаксических оборотов другим и т. п. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями, характерными для определенной сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. Термин может быть создан на базе слов родного языка или заимствован. Рост употребления научно-технической литературы требует подготовки специалистов, способных точно переводить эти тексты в письменной и устной форме.

Ключевые слова: аббревиатура, иностранные языки, термин, терминология, научно-техническая литература, ономимия, заимствование, словосложение, аффиксация.

Введение

Словарный состав любого языка постоянно претерпевает изменения. Этому немало способствует развитие науки и техники в современном мире. Именно поэтому основной объем переводимой литературы приходится на научно-технические тексты. Отличительной чертой таких текстов является логичность и полнота изложения материала, краткость и точность выражения мысли. Это достигается в первую очередь благодаря использованию в научно-технических текстах специальных слов – терминов. Более 90 % новых слов, появляющихся в языках, составляют именно термины, которые, благодаря постоянным изменениям в мире техники, являются подвижной и наиболее текучей частью словарного состава языка.

Цель и задачи исследования. Целью нашего исследования является рассмотрение основных путей пополнения научно-технической терминологии в немецком и английском языках. Для достижения цели работы нами поставлены следующие задачи: 1) дать определение понятию «термин» и показать его характеристики; 2) описать основные пути пополнения научной терминологии при помощи внутренних ресурсов немецкого и английского языков; 3) раскрыть специфику заимствований в лексике этих языков.

Результаты исследования и их обсуждение

Слово «термин» происходит от латинского *terminus* – граница, предел. В римской мифологии: так назывался бог, который охранял межевые знаки и почитался среди крестьян. В немецком языке это слово может оказаться «ложным другом переводчика». Нужно обратить внимание на то, что слово *der Termin* в немецком означает «срок» (встречи, сдачи готовой продукции, назначенного времени посещения врача; слушания юридического дела). Единица специальной научной лексики обозначается в немецком языке словом *das Terminus*, либо собирательно *die Terminologie*, в английском – *term* и *terminology* соответственно.

Можно встретить различную интерпретацию понятия «термин» у различных авторов. Так, например, М. М. Глушко утверждает, что «термин – это слово или словосочетание для выражения

понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [1, 79]. А. А. Реформатский в статье «Что такое термин и терминология?» характеризует термины как «однозначные слова, лишённые экспрессивности» [2, 204]. С. В. Гринёв в своем труде «Введение в терминоведение» определяет термин «как номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий» [3, 22]. Мы придерживаемся точки зрения Л. С. Бархударова, специалиста по теории перевода, который трактовал термин как «слово или сочетание слов, означающее понятие, употребляемое в специальной области знания или деятельности» [4, 6].

Терминологическая лексика входит в состав слов ограниченной сферы употребления. В отличие от зачастую многозначной и эмоционально окрашенной общеупотребительной лексики, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии. В основе каждого термина лежит точное определение обозначаемой им реалии, что позволяет им быть специализирующими, ограничительными обозначениями, характерными для определенной сферы употребления. Их значение можно найти в специальных словарях. В составе терминологической лексики можно выделить **общенаучные термины**, которые используются в различных областях знаний и являются отличительной чертой научного стиля в целом, и **специальные**, которые употребляются в определенных научных дисциплинах, отраслях производства и техники.

Своеобразной чертой современного мира стало распространение терминов за пределами научных произведений, что позволяет говорить о «терминологизации» современной речи. Многие слова, имеющие терминологическое значение, такие, как *das Radio* (нем.), *radio* (англ.) – радио; *der Traktor* (нем.), *tractor* (англ.) – трактор; *der Sauerstoff* (нем.), *oxygen* (англ.) – кислород и многие другие давно уже вошли в состав общеупотребительной лексики.

В немецком и английском языках выделяют два основных способа пополнения лексики: 1) при помощи внутренних ресурсов и 2) при помощи всякого рода заимствований. Мы остановимся на наиболее частых из этих способов, характерных для научно-технической терминологии.

Согласно классификации терминообразования, в английском и немецком языках наиболее интенсивное пополнение терминологического состава происходит за счет **аффиксации**.

Аффикс (лат. *affixus* – прикрепленный) – это морфема, имеющая грамматическое значение. Это общее название для всех значимых частей слова, кроме корня. Они не существуют в языках вне слов, а сопровождают корень и служат для словообразования и словоизменения [5, 141]. В зависимости от положения относительно корня различают словообразование при помощи префиксов, постфиксов, интерфиксов и конфиксов:

- префиксы (лат. *praefixum* – прикрепленное перед) – морфемы, стоящие перед корнем: *aussägen* (нем.) – выпиливать, *die Ablast* (нем.) – падающая нагрузка; *extrusion* (англ.) – выдавливание, *precoat* (англ.) – предварительно нанесенное покрытие.

- постфиксы (лат. *postfixum* – прикрепленное после) – морфемы, стоящие после корня: *die Reduktion* (нем.) – восстановление, редукция, *schäumig* (нем.) – пенистый, *correlation* (англ.) – поправка, *drilling* (англ.) – бурение. Префиксальный и суффиксальный способы словообразования часто осуществляются одновременно: *die Vorzündung* (нем.) – опережение зажигания, *inundation* (англ.) – наводнение.

- интерфиксы (лат. *interfixus* – междукрепленный) – служебные морфемы, не имеющие собственного значения, но служащие для связи корней в сложных словах: *die Entfernungsmessung* (нем.) – измерение дальности; дальнометрия. Данный способ терминообразования не является характерным для английского языка.

- конфиксы (лат. *confixum* – скрепленное) – комбинации префикса с постфиксом, характерные для образования причастия второго в немецком языке, которые всегда действуют совместно, окружая корень: *gefärbt* (нем.) – окрашенный, *gebogen* (нем.) – гнутый, изогнутый, *ausgewertet* (нем.) – дешифрованный, обработанный, *inhomogeneity* (англ.) – неоднородность, *innavigable* (англ.) – несудоходный, *overvoltage* (англ.) – перенапряжение.

Производные слова вместе с тем словом, от которого они образованы, составляют группу однокоренных слов. Например, от глагола *bauen* можно образовать множество однокоренных слов: *der Abbau* – выемка, демонтаж; *aufbauen* – монтировать, надстраивать; *der Vorbau* –

выступающая плоскость фасада; *verbauen* – застраивать и другие; английское существительное *struct* является основой многих родственных слов: *obstruct* – преграждать, препятствовать, *instructional* – учебный, образовательный, воспитательный, *overstructured* – усложненный, замысловатый, слишком трудный, *constructor* – конструктор, инженер, проектировщик и другие.

Достаточно широкое распространение получило образование новых однословных терминов путем прибавления к корневым словам аффиксов, заимствованных из греческого и латинского языков. Например, *pre-* используется для передачи идеи опережения по времени или по положению: *preboarding* (англ.), *das Preboarding* (нем.) – термофиксация до крашения; *inter-* происходит от латинского слова *inter*, означавшего 'между, среди': *interchangeable* (англ.) – взаимозаменяемый, сменный, *intermolekular* (нем.) – межмолекулярный; *trans-* означает 'через, за пределами': *transition* (англ.) – переход, *die Translokation* (нем.) – перемещение, *transmittieren* (нем.) – передавать. Большое внимание уделяется систематичности вновь создаваемых терминов.

В образовании терминов активно участвует целый ряд других префиксов. Так, префиксы *non-, a-, dis-, un-, de-, in-* выражают понятия, противоположные названному производящей основой. Например, *non-return valve* (англ.) – обратный / перепускной клапан, *der Nonstopflug* (нем.) – беспосадочный перелет; *unsolder* (англ.) – удалитель припоя, *untätig* (нем.) – недействующий; *disconnection* (англ.) – отключение, отсоединение; *dehydrate* (англ.) – обезвоживать, удалить воду, сушить, *die Deformation* (нем.) – деформация; *independent* (англ.) – независимый, *die Inkongruenz* (нем.) – неконгруэнтность; *achromatic* (англ.) – ахроматический, бесцветный, лишенный окраски; *anormal* (англ.) – аномальный, патологический.

При помощи суффиксов *-er, -or, -ist* образуются существительные, обозначающие работника-специалиста: *designer* (англ.), *der Arbeiter* (нем.), *operator* (англ.), *der Direktor* (нем.) *philologist* (англ.), *der Maschinist* (нем.), а также машины, станки, инструменты, приборы: *cutter* (англ.), *computer* (англ.), *modulator* (англ.) [6].

Помимо наиболее употребительных, всё чаще в английском языке используются новые суффиксы *-ry, -ship, -wise*: *circuitry* – схемное решение, *rocketry* – ракетные устройства, *workmanship* – мастерство, *manpowerwise* – исходя из рабочей силы, *percentagewise* – считая в процентах. С помощью суффиксации в английском языке могут быть образованы новые термины и слова, выполняющие в предложении роль существительного, наречия или глагола.

Во многих областях разработаны специальные правила образования терминов для понятий или объектов определенного класса.

К аффиксации можно отнести и еще один способ словообразования – при помощи **аффиксоидов**. В системе словообразовательных средств аффиксоиды выступают как морфемы переходного типа. С одной стороны, эти морфемы близки словообразовательному значению аффиксов; с другой стороны, они продолжают оставаться корневыми морфемами или основами, сохраняющими семантику соответствующего корня. Некоторые авторы, такие, как В. Н. Немченко [7, 214], М. Д. Степанова и В. Фляйшер [8] и другие, считают термины «аффиксоид» и «полуаффикс» синонимами. Н. М. Шанский не возражает против термина «полуаффикс», хотя считает, что «аффиксоид» более удачный, так как наиболее соответствует сущности явления [9]. Мы также придерживаемся точки зрения российского лингвиста Н. М. Шанского, так как аффиксоиды являются регулярными морфемами и имеют обобщенно словообразовательную семантику, идентичную семантике аффиксов. Например, немецкий аффиксоид **Haupt-** «главный, основной» порождает целый ряд технических терминов: *die Hauptdaten* – основные данные, *der Hauptdeich* – главная плотина, *der Hauptfluss* – главная водная магистраль, *das Hauptlager* – главный (коренной) подшипник и другие. Немецкий аффиксоид **Hand-** имеет значение 'ручной': *das Handamt* – ручная телефонная станция, *der Handbohrer* – ручное сверло, *die Handbremse* – ручной тормоз и другие. Примерами аффиксоидов в английском языке могут служить **semi-** со значением «полу-», **self-** со значением «само-», например, *semispherical* – полусферический, *semiconductor* – полупроводник, *semicircle* – полукруг, *self-levelling* – саморегулировка уровня, *self-acting* – автоматический, *self-adhesive* – самоклеящийся, *self-made* – самодельный.

Наиболее частыми аффиксоидами в немецком и английском языках являются греческие и латинские корни, такие слова не составляют труда при переводе, так как относятся к интернациональной лексике: **mikron** (греч. 'малое') – *das Mikroskop* (нем.), *microscope* (англ.), *microswitch* (англ.) – микровыключатель; **monos** (греч. 'один') – *das Monomere* (нем.), *monometer* (англ.); **multus** (лат. 'многочисленный') – *multipolar* (англ., нем.), *multi-hole injector* (англ.) – бесштифтовая форсунка; **aero** (греч. 'воздух') – *das Aerosol* (нем.), *aerosol* (англ.) и другие.

К числу наименее проблематичных способов образования новых однословных терминов можно отнести **словосложение**, когда два или более термина (или слова), сохраняя при этом свой смысл, соединяются в один новый термин. При словосложении может иметь место агглютинация, т.е. соединение частей слов: *motor + hote l = motel* (англ.) – мотель; *escalating + elevator = escalator* (англ.) – эскалатор.

Словосложение является ведущим способом словообразования в немецком языке, поэтому значительную часть словарного состава языка составляют **сложные слова**. Особенно продуктивно словосложение как способ образования существительных.

В качестве первого компонента сложного существительного в немецком языке может выступать основа любой части речи: *die Dampfmaschine* – паровая машина (существительное + существительное); *die Feinmechanik* – точная механика (прилагательное + существительное); *die Bremsenprüfung* – тормозные испытания автомобиля (глагол + существительное); *das Dreibein* – трехгранник, тренога (числительное + существительное); *die Nacharbeit* – дополнительная обработка (предлог + существительное) [6].

Объединение двух слов в одно может происходить с помощью соединительной гласной, без неё либо с помощью дефиса: *die Arbeitsproduktivität* (нем.) – производительность труда, *der Maschinenautomat* (нем.) – автоматический станок, *water-proof* (англ.) – водонепроницаемый, *freeway* (англ.) – магистраль, *radioactivity* (англ.) – радиоактивность.

К терминам относят также **символы**. Их закреплённость за определёнными понятиями является интернациональной и условной: *v – velocitas* (лат.) – скорость, *t – tempus* (лат.) – время, *t° – temperatura* (лат.) – температура.

Часто в научно-технической литературе используются **аббревиатуры**, которые представляют собой термины-сокращения и служат для облегчения процессов чтения и письма. Можно выделить сокращения двух типов: авторские и общепринятые. Авторские сокращения функционируют в пределах только данного текста, поясняются в тексте или представляются в виде отдельного списка сокращений к данному тексту. Общепринятые сокращения фиксируются в официальных справочниках и являются частью лексической системы языка.

Сокращённое употребление длинных однословных терминов и многокомпонентных терминов-словосочетаний является результатом проявления тенденции, ведущей к созданию удобных для произношения, чтения и восприятия **терминов-сокращений**. Сокращения зачастую употребляются чаще, чем сами термины. Увеличение количества аббревиатур обусловлено необходимостью более быстрой и концентрированной коммуникации: *BMSR-Technik – die Betriebsmeß-, Steuerungs – und Regelungstechnik* (нем.) – техника измерения, управления и автоматического регулирования; *LCD – liquid crystal display* (англ.) – дисплей на жидких кристаллах. Термины-сокращения строятся по определённым правилам; перечислим некоторые из них:

1) **буквенные** – сокращения по первым буквам слов, образующих терминологическое словосочетание (инициальный тип сокращения) (акронимы): *ADAC – Allgemeiner Deutscher Automobil-Club* (нем.) – Всеобщий германский автоклуб, *E. – east* (англ.) – восток; *e.m.f. – electromotiveforce* (англ.) – электродвижущая сила, *HP – horsepower* (англ.) – лошадиная сила;

Часто сокращается часть словосочетания, например: *VIM furnace – vacuum-induction furnace* (англ.) – вакуумная индукционная печь. В ряде случаев буквенному сокращению подвергается только первый элемент, который произносится как алфавитное название данной буквы: *N-bomb – Nitrogenbomb* (англ.) – нейтронная бомба; *die U-Bahn – die Untergrundbahn* (нем.) – метро (подземная железная дорога).

К сокращениям можно отнести **литерные термины**, в которых атрибутивная роль поручается определённой букве вследствие ее графической формы: *T-antenna* (англ.) – Т-образная антенна, *V-belt* (англ.) – клиновидный ремень, *der A-Betrieb* (нем.) – режим класса А, *der T-Ausbau* (нем.) – Т-образная крепь.

2) **слововые** – сокращения по начальным слогам слов, образующих терминологическое словосочетание (акронимы). Они пишутся слитно и читаются как одно слово: *Aubi – das Autofahrerbier* (нем.) – безалкогольное пиво, *MoFüst – Mobile Führungsunterstützung* (нем.) – мобильная поддержка управлением; *maxcap* (англ.) – *maximum capacity* – максимальная мощность; *radar* (англ.) – *radio detection and ranging* – радиолокация.

Часто встречаются сокращения, состоящие из слога (буквы) + слово: *compole* (англ.) – *commutating pole* – вспомогательный или дополнительный полюс, *NC programming language* (англ.) – язык программирования для систем числового программного управления, *AK-Verfahren* –

das Akkreditivverfahren (нем.) – аккредитивная форма расчёта, *UKW-Bereich – der Ultrakurzwellebereich* (нем.) – ультракоротковолновый диапазон.

В качестве примеров сокращений, состоящих из букв и слогов или, наоборот, из слогов и букв, можно привести *Abs E* (англ.) – *absolute error* – абсолютная ошибка, *laser* (англ.) – *light amplification stimulated emission of radiation* – лазерквантовый генератор и усилитель оптического диапазона или усиление света индуцированным испусканием излучения и другие.

В технической литературе, и особенно в американской, такие сокращения могут образовываться путем сокращения начального слога первого компонента и конечного слога второго, например: *chemurgy* (англ.) – ***chemistry metallurgy*** – отрасль химии, относящаяся к области производства сырья.

3) **усеченные слова** (контрактуры): усечение, при котором остается начальная часть слова, например: *Mod – das Modell* (нем.) – модель, *der Akku – der Akkumulator* (нем.) – аккумулятор; *sub – submarine* (англ.) – подводная лодка; *lub* (англ.) – *lubrication* – смазка; усечение, при котором остается конечная часть слова: *chute* (англ.) – *parachute* – парашют; усечение, при котором отпадает средняя часть слова: *Ry* (англ.) – *railway* – железная дорога, *Rng – das Reingewicht* (нем.) – чистый вес; усечение, при котором остается два слога: *assy* (англ.) – *assembly* – что-либо в сборе, *ammo* (англ.) – *ammunition* – боеприпасы; усечение прилагательного в сложном слове: *technicolour* (англ.) – *technical colour* – цветная кинематография.

Следует отметить, что в технических текстах широкое распространение получило также употребление известных латинизмов и сокращений как из латинского, так и национального языков, использование которых также отмечается в других стилях речи: *z.B. – zum Beispiel* (нем.) – например, *o.a. – oben angeführt* (нем.) – выше приведенный, *d.h. – das heißt* (нем.) – то есть, *v.s. – vide supra* (лат.) – смотрите выше, *u.i. – ut infra* (лат.) – как сказано выше [10, 332–334], *i. t.* (англ.) – *idest* – то есть, *N.B. – nota bene* (лат.) – нотабене, обрати внимание, *P.S. – postscript* (лат.) – постскриптум, приписка.

В отличие от английского языка интернациональные сокращения (международные единицы измерения, стороны света, валюты и т. д.) и аббревиатуры используются в немецком языке без точки или других знаков препинания *m – das Meter* (нем.) – метр, *A – das Ampere* (нем.) – ампер, *NSW – der Nebelscheinwerfer* (нем.) – противотуманная фара [11, 40–41].

Конверсия – это один из способов словообразования, в результате действия которого образуется категориально отличное слово, в некоторых формах совпадающее с исходным.

В немецком языке очень продуктивной является субстантивация глагольных инфинитивов: *das Abbrechen* – аварийное завершение от *abbrechen*, *das Feuern* – искрение, растопка от *feuern*, *die Rollen* – вращение от *rollen*.

Очень часто в английском языке из уже существующих слов или терминов без изменения их произношения и написания образуется слово, относящееся к другой части речи: *fracture* (англ.) – трещина, разлом, излом, разрыв, поверхность излома; *to fracture* – ломаться; быть ломким; хрупким; ломать, *arch* – арка, дуга (безопасности), свод, *to arch* – перекрывать сводом, придавать форму арки, *motor* – двигатель – *to motor* – механизировать. Наиболее распространенным видом конверсии и одним из источников появления неологизмов является образование глаголов от имен существительных: от существительного *generator* – генератор образован глагол *to generator* – работать в генераторном режиме. Однако нередко случаи превращения и глаголов в существительные, например: *to break through* – прорваться – *breakthrough* – важное научное открытие, достижение, *to spin off* – раскрутить – *spinoff* – сопутствующий результат.

Исследование пограничных областей и использование сходных методов исследования стало причиной применения в целом ряде наук одних и тех же терминов, которые, имея вследствие этого совершенно разное значение, являются **омонимами** по отношению друг к другу. Так, например, в немецком языке *der Abschlag* означает 1) аванс (бухгалтерия); 2) выпуск металла (металлургия); 3) скидка с цены (коммерция); 4) шпуровой комплекс (горнодобывающая отрасль); 5) частичный взнос (финансирование) и др.

Характерной чертой английского языка являются **составные** термины. Такие многословные (или многокомпонентные) термины могут представлять собой словосочетания, в которых смысловая связь между компонентами выражена путем: 1) примыкания, например, *riveted joint* (англ.) – заклепочное соединение, *width of bed* (англ.) – расстояние между направляющими станины; 2) оформлена грамматически (при помощи предлога или наличия окончаний), например, *pitch of a screw* (англ.) – шаг резьбы, *rate of exchange* (англ.) – валютный курс. Подобные

терминологические словосочетания являются цельными лексическими единицами, представляя собой смысловое единство.

Преобладающим способом образования сложных терминологических групп в научно-технической литературе является добавление левых и правых определений к исходному термину: *piston ring* (англ.) – поршневое кольцо, *laser system* – лазерная система, *der hinterer Schalldämpfer* (нем.) – задний глушитель, *die Halterung des Stoßfängers* (нем.) – крепление бампера. Широкое использование этого способа терминообразования объясняется тенденцией современной науки и техники к созданию сложных систем и предметов, состоящих из множества элементов.

Одним из источников пополнения научно-технической терминологии является **заимствование**. Заимствования появляются при возникновении потребности наименования новых реалий, понятий, возникающих при контактах разных народов. Многие термины в своем происхождении восходят к латинским либо греческим корням и основам. В настоящее время можно также говорить и о широком использовании англоязычных терминов во многих научных областях, в том числе и в области техники. Таким образом, терминология является составной частью интернациональной лексики как в немецком, английском, так и в русском языках: *universal* (нем.), *universal* (англ.) – универсальный, *das Axiom* (нем.), *axiom* (англ.) – аксиома, *der Impuls* (нем.), *impulse* (англ.) – импульс, *latent* (нем.), *latent* (англ.) – латентный, скрытый. С развитием науки и изменением научных представлений о тех или иных объектах исследования изменяется и значение соответствующих терминов.

Вновь появившиеся специальные термины (неологизмы) вызывают большую сложность в практике перевода с иностранного языка, так как такие слова еще не зарегистрированы в современных словарях. Перед техническим переводчиком стоит сложная творческая задача создания новых эквивалентных русских технических терминов для передачи появившихся понятий на родном языке.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что научно-техническая терминология как в немецком, так и в английском языках развивалась в течение длительного времени и сформировалась в настоящее время в строгую терминологическую систему. Английский и немецкий языки, будучи генетически и типологически близкими, имеют много общего в своих системах словообразования. В рамках каждой из этих лексических систем сложились определенные способы образования новых лексических единиц и степень их производительности помогает определить динамику роста числа терминов и дальнейшие пути их развития. Темпы развития науки и техники колоссальны: постоянно открываются новые понятия, создаются новые сложные системы и устройства, для обозначения которых необходимо произвести и впоследствии задействовать все новые и новые термины в языке. Формирование терминологической системы происходит как за счет ресурсов самого языка, так и путем заимствования из других языков. Это дает языку возможность развиваться, делает терминологию интернациональной, а это в свою очередь позволяет ученым и специалистам лучше понимать друг друга. Кроме этого, наблюдается рост количества аббревиатур, который свидетельствует о тенденции экономии языковых средств и упрощению языка. Проблема образования новых терминов в научно-технической литературе остается по-прежнему актуальной и важной для всех, кто имеет дело с терминологией.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глушко, М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М. М. Глушко. – М. : Высшая школа, 1974. – 33 с.
2. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология? / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии. – М. : Высшая школа, 1961. – С. 49–51.
3. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – 39 с.
4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
5. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформаторский ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
6. Гриб, Ж. В. Особенности немецкой и английской научно-технической терминологии / Ж. В. Гриб, А. В. Дуброва // Слово. Текст. Социум : сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: Л. В. Исмаилова (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2014. – С. 82–89.

7. Немченко, В. Н. Введение в языкознание : учебник для вузов / В. Н. Немченко. – М. : Дрофа, 2008. – 703 с.
8. Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке (Для филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков) / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М. : Высшая школа, 1984. – 263 с.
9. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 312 с.
10. Гильченко, Н. Л. Практикум по переводу научных и публицистических текстов с немецкого языка на русский / Н. Л. Гильченко. – СПб. : КАРО, 2008. – 352 с.
11. Россохина, Г.Н. Новые правила правописания немецкого языка : справочное пособие / Г. Н. Россохина, У. С. Ульянова. – Москва : ЧеРо, 1998. – 112 с.
12. Пронина, Р. Ф. Перевод английской научно-технической литературы / Р. Ф. Пронина. – М. : Высшая школа, 1986. – 174 с.
13. Баринов, С. М. Большой англо-русский политехнический словарь / С. М. Баринов. – М. : Руссо, 2003. – 720 с.
14. Сергеев, В. Н. Современный немецко-русский политехнический словарь / В. Н. Сергеев, В. В. Бутник, И. В. Фаградянц. – М. : Вече, 2006. – 624 с.

Поступила в редакцию 25.05.15

e-mail: jeannag@list.ru
allapovh@yandex.ru

Z. V. Hryb, A. V. Dubrova

THE MAIN WAYS OF REPLENISHMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMINOLOGY IN GERMAN AND ENGLISH

This article deals with the German as well as English scientific technical terminology, the ways of creating new terms and their role in scientific technical literature. The brevity of the statement and unambiguousness are the basic requirements made for the language of scientific and technical literature. Special terms and abbreviations richness, traditional character of vocabulary usage, several syntactic phrases preference over others, etc. are their main characteristics. Terms act as specializing restrictive denotations which are specific for a certain scope of objects and phenomena, their features and relations. Terms can be created on the basis of the native language or borrowed from another language. Growing usage of scientific and technical literature requires specialists to be able to translate such texts in a writing and oral form.

Keywords: abbreviation, foreign languages, term, terminology, scientific and technical literature, vocabulary, homonymy, adoptions, composition, affixation.

УДК 811.112.2

Д. В. Зыблева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и иностранных языков,
Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого, Республика Беларусь

МЕЖДОМЕТИЯ КАК РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются прагматические аспекты использования междометий в процессе коммуникации. Эффекты речевого воздействия, обуславливаемые употреблением междометий в речи, позволяют трактовать их как имплицитно-перформативные высказывания, произнесение которых равно осуществлению соответствующего речевого действия. По характеру выполняемых речевых действий междометные высказывания можно систематизировать по коммуникативно-прагматическим типам. Основную роль при таком их распределении играют, наряду с семантическим характером междометий, речевой контекст, указания на интонацию и паралингвистические средства в авторском комментарии.

Ключевые слова: междометия, речевые акты, иллокутивные функции, коммуникативные прагматические типы.

Введение

Способность выступать в речевом употреблении в качестве самостоятельных высказываний и выполнять коммуникативную функцию в одном ряду с полносоставными высказываниями, построенными по отработанным в нормативном синтаксисе двусоставным моделям, предопределяет интерес к коммуникативно-функциональным свойствам междометий, и особенно в речевых актах общения.

Ключевым понятием теории речевых актов является не предложение или какое-нибудь другое языковое выражение, а выполнение определенного рода коммуникативного действия, такого, например, как утверждение, просьба, вопрос, приказание, выражение благодарности, извинения, поздравления и т. п., осуществление которого возможно как вербальными, так и невербальными средствами.

В теории речевых актов рассматриваются в различной авторской интерпретации три типа актов: локутивный – связанный с произнесением высказывания с определенной референцией; иллокутивный – связанный с произнесением высказывания определенной коммуникативной интенции: просьбы, приказа, совета и т. д.; перлокутивный – реакция, возникающая у слушателя в результате декодирования высказывания [1, 103].

Дж. Серль [2, 40–42], предлагая свою концепцию структурирования речевых актов, классифицирует их следующим образом:

- а) выражение морфем, слов, предложений – акт выражения;
- б) референция и предикация – пропозициональный акт;
- в) утверждения, вопросы, приказы и др. – иллокутивный акт;
- г) влияние, которое оказывают такие иллокутивные акты на действия, мысли, воззрения слушающего – перлокутивный акт.

Исследователями отмечается важность разграничения пропозиционального и иллокутивного актов, хотя, вместе с тем, признается, что пропозициональный акт не может существовать самостоятельно, он должен найти свое выражение в иллокутивном акте: при произнесении высказывания определенной иллокутивной силы говорящий одновременно передает пропозицию. В связи с этим предлагается формула $F(p)$, отражающая базовую структуру осуществляемого высказыванием речевого действия, где F – обозначает иллокутивную силу; p – пропозициональное содержание.

Пропозициональное содержание, связанное с референцией и предикацией, передается в высказываниях, обладающих субъектно-предикатными структурами. В то же время отмечается, что не все иллокутивные (собственно речевые) акты обладают пропозициональным содержанием, например: экспрессивные выражения “Ach”, “Hurra!” [3, 155–156], [4, 337].

В отечественной германистике также говорится о возможности использования несентенциальных форм высказываний в речевых актах. Описывая некоторые типы иллокутивных значений, выражаемых междометными высказываниями, авторы указывают, что

последние представляют собой специфичные высказывания, несводимые к стандартным структурным схемам, которые становятся понятными и естественными, если учитывать их особый семантический статус [5], [6].

Результаты исследования и их обсуждение

Речеактовой интерпретации подвергались чаще всего изолированные предложения (высказывания), обладающие синтаксически правильным построением, что, пожалуй, является одним из недостатков в теории, поскольку в процессе общения наиболее релевантные речевые акты могут выполняться с помощью единиц как больших, так и меньших, чем предложение. Не вызывает сомнения, что междометные высказывания, функционируя в конкретных коммуникативных условиях, когда каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, включенная в прагматический комплекс текста, способны сами по себе актуализовать речевые акты/действия, связанные с проявлением эмоциональных и волевых состояний говорящего.

Всякое высказывание, поскольку оно предназначено адресату, реализует определенные интенции адресанта, его коммуникативные намерения, выражающиеся в стремлении информировать слушателя, установить с ним контакт, побудить к действию и т. д. Произнесение высказывания направлено на достижение некоторого воздействия на участника речевого общения, т. е. предполагает соответствующие изменения в его эмоциональном состоянии, обуславливающие дальнейшее вербальное /невербальное поведение. Коммуникативная интенция, понимаемая как семантическая функция высказывания, обеспечивающая разрешение определенной задачи общения в определенной ситуации, является основным критерием, в соответствии с которым рассматриваемые в коммуникативно-функциональном плане высказывания отличаются друг от друга.

Междометные высказывания также обладают коммуникативно-интенциональным содержанием, без которого невозможно было бы их использование в коммуникации. В основе распределения междометных высказываний по характеру производимого действия лежат лексико-семантические свойства междометий, их принадлежность к основным разрядам эмоциональных (эмоционально-оценочных) и побудительных (апеллятивных) междометий. Различные значения эмоционально-оценочных и побудительных междометных высказываний в речевом употреблении непосредственно направлены на адресата, программируя его действия. Это касается в первую очередь побудительных междометных высказываний, однако и в употреблении многих эмоционально-оценочных междометий часто слиты оценка ситуации и некоторое предписание.

Для успешного осуществления коммуникации необходимо, чтобы адресат правильно декодировал иллокутивную силу воспринятого высказывания, представляющую его неотъемлемый компонент, который может иметь в качестве своих прямых индикаторов перформативные глаголы или выявляться благодаря интонации, порядку слов, наклонению глаголов и т. д. По своим иллокутивным силам речевые акты принято разделять на репрезентативы (констативы), директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации. Это основные типы, выделяемые в существующих классификациях речевых актов. Коммуникативная направленность в высказываниях, соответствующих перечисленным речевым актам, может быть непосредственно выражена иллокутивным (перформативным) глаголом, обозначающим акт речи: (Я утверждаю, что Я приказываю Я клянусь ... и т. д.). Такие высказывания считаются эксплицитно-перформативными, их особенность состоит в эквивалентности, или равнозначности действию, называемому перформативным глаголом [7, 19].

В рамках данного исследования особый интерес представляют глаголы, связанные с изменением в когнитивно-психологическом контексте и, прежде всего, выражающие различные эмоциональные состояния и различные аспекты побуждения к действию. Анализ актуализованных в текстах художественной прозы междометных высказываний показал, что в большинстве случаев они интерпретируются с помощью этих глаголов в авторском комментарии:

"Na – na!" warnte Joss Fritz. "Jetzt bist du ja da, dass er Besseres lernt" [8, 278].

"Aha", meinte der Komissar. "Na, wenn es so ist, dann, meinen herzlichen Gl?ckwunsch" [9, 262].

Это позволяет предположить, что, поскольку междометные высказывания ориентированы на адресата (будь то эмоциональная оценка или побуждение), они так же, как и рассматриваемые глаголы, представляют собой поступки адресанта, направленные на изменение в когнитивно-психологическом контексте, и способны выступать в качестве функциональных эквивалентов перформативных стандартных высказываний.

Высказывания, у которых отсутствует перформативный глагол, определяются в теории речевых актов как имплицитно-перформативные.

Представляется, что условия, в которых междометное высказывание может функционировать в качестве имплицитно-перформативного выражения, создаются в результате обмена речевыми действиями между участниками коммуникации, где междометие реализует различные иллокутивные цели коммуникантов. Как показывает анализ, только в диалогической речи дано полностью все многообразие видов взаимодействия между коммуникативными интенциями общающихся и между их речевыми ходами.

Простейший обмен речевым действием между коммуникантами в процессе диалогического общения предполагает первоначальное сообщение (инициативную реплику) и ответное действие адресата (реплику-реакцию), причем последнее имеет двоякую характеристику, поскольку, с одной стороны, представляет собой результат воздействия предшествующего высказывания, т. е. его перлокутивный эффект, а с другой стороны, имеет собственную коммуникативную направленность и обладает определенной иллокутивной силой. В этой связи междометные высказывания представляют особый интерес, так как, будучи нестандартными, имплицитно-перформативными речевыми актами, они, несомненно, требуют соответствующих условий реализации, обеспечивающих однозначность интерпретации адресатом.

При рассмотрении прагматического аспекта использования междометных высказываний в качестве структурных единиц диалогических единств следует обратить внимание на выявление закономерностей функционирования междометных речевых актов в инициативных репликах и репликах-реакциях диалогов, а также на установление типов междометных высказываний, для которых характерны ограничения в употреблении. Предположение о возможности таковых возникает при анализе данных словарей, где междометия представлены как готовые речения, декодирование которых требует учета целого ряда экстралингвистических факторов. Поэтому одни междометные высказывания могут употребляться в инициативных репликах диалогов, т. е. открывать диалогическое общение, оказывая воздействие на адресата и вызывая ответное действие. Употребление же других междометных высказываний может быть ограничено только рамками реплик-реакций.

Изучение словарных значений междометий также показало, что в их семантике заложены потенциальные возможности для реализации таких частных языковых функций, как экспрессивная или эмотивная (передача чувства говорящего), волюнтативная (передача волеизъявлений говорящего) и фатическая (установление контакта). В связи с этим можно говорить о предназначенности междометий к употреблению в речевом акте в одной из названных функций. Сказанное позволяет предположить о наличии типовых речевых актов, включающих междометные высказывания, объединенные общей иллокутивной функцией. Целесообразным представляется распределение междометных высказываний в зависимости от выполняемых иллокутивных функций по соответствующим коммуникативно-прагматическим типам, понимаемым как категория, характеризующая функциональный статус высказывания в тексте и соотносимая с целеустановкой коммуниканта в процессе общения.

Решающим фактором при систематизации междометных речевых актов по коммуникативно-прагматическим типам являются интонационные характеристики. Известно, что большинство междометий не имеет конкретного значения и для их идентификации необходим целый ряд коммуникативно-ситуативных факторов, важную роль среди которых играют интонационные характеристики. Так, экспликация эмоциональной оценки может достигаться при помощи непосредственного авторского указания на манеру произнесения высказывания. В таких случаях речь идет о варьировании тембрами голоса от шепота до крика, что связано не только со стремлением говорящего к эмоциональному самовыражению, но и с реализацией определенного воздействия на слушающего. Ориентируясь на манеру произнесения оценочного высказывания (шептать, стонать, ворчать, кричать и т. д.), адресат адекватно дешифрует позицию адресанта по отношению к объекту оценки и соответственно организует ответное речевое/неречевое действие.

“A-ach”, seufzte er. “Wenn ich dich so h?re, erinnere ich mich schmerzvoll an unser trautes Familiengl?ck” [10, 456].

“Hm! Hm!” brummte sie und w?lzte sich im Bett herum [11, 83].

Произнесенное с соответствующей интонацией, междометие используется с различными иллокутивными функциями, варьирующимися от всевозможных эмоциональных оценок вплоть до прямого побуждения участника коммуникативного акта.

В результате взаимодействия междометных высказываний с паралингвистическими средствами, на которые даются авторские указания, становится возможной абсолютно однозначная интерпретация эмоциональной информации, что обеспечивает успешное протекание коммуникативного акта.

“O Gott!” Titine schl?gt vor Schreck beide H?nde vors Gesicht [12, 121].

Паралингвистические средства как невербальные компоненты коммуникации, прежде всего, дублирующие жесты, являются неречевым действием, эквивалентным с междометием, которое представляет собой высказывание об этом действии, чем подтверждается эквивалентность междометного высказывания, возможность трактовать его как имплицитно-перформативное.

Выводы

Если рассматривать речевое общение как форму проявления преимущественно межличностных отношений, то участие междометий в речи в высшей степени актуально для их установления.

Междометные высказывания актуализуют в коммуникативных условиях диалогического общения речевые акты, ориентированные на слушающего и выполняющие определенные иллокутивные функции в соответствии с коммуникативным намерением говорящего. По своей сути это имплицитно-перформативные выражения, произнесение которых равнозначно осуществлению речевого действия. В зависимости от семантики и показаний интонации в рамках конкретного контекста, они могут быть распределены по коммуникативно-прагматическим типам.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Austin, J. L. How to do things with words / J. L. Austin. – Cambridge (Mass) : Harvard univ. press, 1962. – Vol. IX. – 166 p.
2. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII. – С. 170–194
3. Motsch, W. Situational context and illocutionary force / W. Motsch // Speech act theory and pragmatics. – Dordrecht etc., 1980. – P. 155–168.
4. Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – № 4. – С. 333–341.
5. Бергельсон, М. Б. Прагматический “принцип приоритета” и его отражение в грамматике языка / М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – № 4. – С. 343–355.
6. Шаронов, И. А. Междометие в языке, в тексте и в коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / И. А. Шаронов ; Рос. гос. гуманит. ун-т. – Москва, 2009. – 36 с.
7. Богданов, В. В. Перформативное предложение и его парадигмы / В. В. Богданов // Прагматические аспекты синтаксиса. – Калинин, 1985. – С. 18–27.
8. Kraze, H.-H. Des Henkers Bruder / H.-H. Kraze. – Berlin : Verlag Neues Leben, 1984. – 280 S.
9. Fahlberg, H. L. Betatom / H. L. Fahlberg. – Berlin : Verlag Das neue Berlin, 1957. – 275 S.
10. Bredel, W. Die V?ter / W. Bredel. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1977. – 408 S.
11. Bredel, W. Die Enkel / W. Bredel. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1963. – 610 S.
12. Weinert-Lange, M. M?dchenjahre / M. Weinert-Lange. – Moskau : Verlag Hochschule, 1973. – 286 S.

Поступила в редакцию 09.06.15

E-mail: matveyankova@gsu.by

D. V. Zybleva

INTERJECTIONS AS SPEECH ACTS OF COMMUNICATION

In communicative conditions of dialogic communication interjections of statements actualize speech acts oriented to listening. They perform certain illocutionary functions according to the communicative intent of a speaker. In fact they are implicitly performative expressions, the pronunciation of which is equivalent to the implementation of the speech act. Depending on the semantics and the intonation reading within a specific context, they can be distributed over the communicative pragmatic types.

Keywords: interjectiona, speech acts, illocutionary functions, communicative pragmatic types.

УДК 811.161.3'367.635

А. Г. Литвинович

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации,
ГрГУ им. Я. Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕВОВАЛЕНТНОГО АКТАНТА КАУЗАТИВНОГО ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматриваются особенности каузативности как самостоятельной категории. Приведены отличительные черты функционально-семантической категории каузативности в белорусском языке. Детально рассматривается категориальная семантика субъекта каузативного глагола, то есть его левовалентного актанта. Представлена сочетаемость белорусских каузативных глаголов со значением 'защищать' с одушевленным и неодушевленным субъектом. Выявлена взаимосвязимость категориальной семантики левовалентного актанта каузативного глагола и степени его каузативности. Установлено, что при сочетаемости каузативного глагола с одушевленным субъектом степень каузативности глагола повышается, а при сочетаемости с неодушевленным субъектом – снижается.

Ключевые слова: категория каузативности, каузативный глагол, степень каузативности, функционально-семантическая категория, белорусский язык, категориальная семантика, левовалентный актант, одушевленный субъект, неодушевленный субъект.

Введение

В поисках ответа на вопрос о том, почему тот или иной предмет таков, познающий субъект ставит его в ряд с другими предметами и явлениями действительности и устанавливает причинно-следственные связи между явлениями.

Каузация, представляя собой лингвистическое отражение универсальной понятийной категории причины, является обобщенным родовым понятием для каузальности как причинения через обусловленность (это так называемый каузальный комплекс: причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-следственные, целевые-следственные отношения) [1, 10] и каузативности как причинения через понуждение [2]. По мнению А. В. Никитевича, каузативность – это одна из составляющих каузального комплекса, обозначающая побуждение объекта совершить действие или вступить в новое состояние [3, 76].

Результаты исследования и их обсуждение

Вслед за Н. В. Курбаленко [4, 20] будем рассматривать каузативность как функционально-семантическую категорию (ФСК).

Следует сразу же отметить, что ФСК каузативности отличается от тех объектов, которые традиционно принято рассматривать как ФСК или функционально-семантическое поле (например, темпоральность, модальность, персональность, аспектуальность, залоговость). ФСК обычно опирается на специальную систему грамматических форм, морфологическое ядро [5, 20]. Например, ядро темпоральности представлено категорией времени, персональности – категорией лица.

Не имея морфологического ядра в белорусском языке, ФСК каузативности объединяет разноуровневые средства для выражения единой семантической функции 'каузировать'¹.

Как особая грамматическая категория морфологический каузатив в современном белорусском языке не существует. Между некоторыми каузативными глаголами и их некаузативными коррелятами наблюдаются морфемно-derivационные соответствия.

Приведем некоторые способы образования каузативных оппозиций: 1) основа глагола + -ыць – основа глагола + -нуць (с передвижением ударения с суффикса на корень и чередованиями

¹ Каузативность как самостоятельная категория белорусского языка не получила подробного освещения в трудах белорусских ученых. Имеются лишь отдельные упоминания о некоторых вопросах, связанных с каузативностью, в работах П. П. Шубы, Б. Ю. Нормана, Е. Н. Руденко, В. В. Мартынова.

в корне): *тушыць – тухнуць, глушыць – глухнуць*; 2) глаголы на -іць – глаголы на -ець: *маладзіць – маладзець, бяліць – бялець*.

Чрезвычайно продуктивным является возвратно-постфиксальный тип оппозиции, в котором каузативное значение закрепляется за глаголом, немаркированным в грамматическом отношении, а некаузативное значение – за возвратным глаголом: *турбаваць – турбавацца, круціць – круціцца*.

Каузативные глаголы могут образовываться от прилагательных: *белы – бяліць, шырокі – пашыраць*.

Имеются и другие соответствия такого рода, но они, как правило, нерегулярны: *нагадаць – прыгадаць, кіпяціць – кіпець*.

Во многих индоевропейских языках утрата морфологического каузатива привела к образованию новых способов выражения каузативных отношений, таких, например, как синтаксический каузатив.

В славянских, в том числе в белорусском, языках сформировался аналитический каузатив. Значение каузативности на этом уровне (синтаксическом) передается эксплицитно, с помощью глагольно-инфинитивных конструкций. Глаголы *даваць, прымушаць* и др., выступающие в качестве вспомогательных в таких конструкциях, имеют значение 'понуждать к действию или новому состоянию': *прымушаць рабіць, даваць вучыць*. Многочисленность аналитических каузативов в белорусском языке объясняется, с одной стороны, тем, что аффиксация не охватывает все необходимые точки грамматического пространства глагола. С другой стороны, широкая употребительность глагольно-инфинитивных каузативных конструкций, возможно, связана с общей тенденцией современного белорусского языка к некоторому аналитизму.

В белорусском языке ФСК каузативности, как уже отмечалось, не опирается на морфологическую категорию, которая занимала бы центральное положение по отношению к иным компонентам поля, поэтому «...роль ядра (центра) могут играть другие языковые средства» [5, 24]. По мнению многих исследователей [1], [3], [4], каузативные глаголы являются основным средством передачи каузативных отношений и представляют собой ядро ФСК каузативности.

Каузативные глаголы совместно с некаузативными коррелятами составляют каузативную пару, называемую супплетивной оппозицией: *паліць – гарэць*.

Категория каузативности объединяет две функционально-семантические сферы, представленные в классе глаголов: сферу действия и сферу состояния, устанавливая однонаправленность отношений между ними. Глаголы состояния (статические глаголы) имеют элементарную семантическую структуру, так как обозначают процессы, не выходящие за сферу субъекта, который характеризуется при них как носитель стального, пассивного признака [6, 8]. Глаголы, обозначающие изменение состояния актанта, связаны с соотносительными переходными глаголами через каузацию: воздействие, называемое динамическими глаголами, каузирует состояние, передаваемое их статическими коррелятами. Глаголы, содержащие сему причинности, мотивации, являются каузативными (*пайць – побуждать піць, вучыць – побуждать ведаць*).

Любая каузативная ситуация, имплицитно содержащаяся в каждом каузативном глаголе, может быть представлена в трехчленной конструкции S (субъект) + V (глагол) + O (объект), именными членами которой, с одной стороны, связаны с субъектной сферой глагола, с другой стороны – с его объектной сферой. В такой трехчленной структуре ситуация представлена «...с точки зрения субъекта, производителя действия, обладающего значительной степенью активности; объект же, как пассивный участник каузативной ситуации, лишь испытывает на себе результаты воздействия субъекта» [6, 12].

Представляя собой «левовалентный» [7, 41] актант каузативного глагола, субъект является участником каузирующей ситуации. Именно данный актант, а точнее его категориальная семантика, определяет разновидность (тип) каузации: преднамеренная/непреднамеренная (произвольная/непроизвольная) [8], [9].

Одна из составляющих функционально-семантического признака «степень каузативности» – 'степень воздействия на объект' – зависит от способности глагола в качестве субъекта-каузатора принимать одушевленный либо неодушевленный субъект.

Одушевленный субъект обладает волей, действует активно, в отличие от неодушевленного [10, 257], и способен вызывать изменения объекта. Одушевленность субъекта предполагает целенаправленную, намеренную и произвольную каузацию, если субъект неодушевлен, то каузация выступает в своей разновидности – непроизвольной каузации [9, 284].

В связи со сказанным можно предположить, что намеренное воздействие субъекта на объект может способствовать полному переходу действия на объект, поэтому одушевленность субъекта каузативного глагола будет ассоциироваться с высокой степенью каузативности. Непроизвольная каузация, связанная с употреблением неодушевленного субъекта, указывает на более низкую степень каузативности глагола.

Конструкция *делай так, чтобы*², с помощью которой верифицируется наличие компонента 'каузировать' в семантической структуре глагола, может также служить диагностическим контекстом для проверки сочетаемости каузативного глагола с субъектом различной категориальной семантики.

Дифференциальным семантическим признаком (ДСП) для разграничения одушевленного/неодушевленного субъекта является 'живой'/'неживой', выделенный в трудах [8], [11, 342], [12].

Употребление одушевленного имени в качестве субъекта данной конструкции не вызывает сомнений. Например:

Відаць, кожны вартаўнік ахоўваў³ свой участак (А. Ліндгрэн. Браты Львінае Сэрца // БП⁴) – *Кожны вартаўнік рабіў так, каб участак ацалеў.*

Иначе обстоит дело, если в качестве каузатора действия выступает неодушевленный субъект.

Людзі думалі, што такія драбіны будуць ахоўваць хаты ад пажару... (Б. Прус. Антэк // БП) – **Драбіны будуць рабіць так, каб хата ацалела.*

Неодушевленный субъект самостоятельных действий производить не может, поскольку он представляет собой «инструмент», используемый при осуществлении действия [15, 401]. «...причем существует агенс, который приводит инструмент в действие для достижения своей цели» [16, 55]. Но считать, что в этом случае каузация не осуществляется, нельзя, поскольку именно данный инструмент (его существование) является причиной нового состояния объекта. Далее субъект подобного типа будем называть причиной.

Приведенное сопоставление свидетельствует о регулярном характере варьирования значений каузативных глаголов по признаку намеренность/ ненамеренность действия каузатора. Характер этого варьирования определяется тем, с каким субъектом (одушевленным/ неодушевленным) сочетается глагол.

²Метаязыком описания в данной статье является русский, поэтому данное правило формулируется на русском языке, но оно равно применимо и к белорусскому языку.

³Поскольку нам не встретились работы, где была бы выделена лексико-семантическая группа глаголов защиты на материале белорусского языка, представляется целесообразным определить свой объект исследования. Объектом исследования в данной работе являются глаголы, интегральным признаком которых является сема 'защищать'. Общее значение глаголов с семантикой 'защищать' – 'каузировать быть в безопасности, не исчезнуть, продолжать существовать, остаться в силе'.

Путем сплошной выборки из «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» [13] были отобраны лексемы, для которых идентификатором является глагол *абараняць*. Единицей интерпретации в данной работе является лексико-семантический вариант (ЛСВ), то есть отдельное номерное значение слова. Употребляя термин «глагол» по отношению к исследуемой лексеме, мы имеем в виду ЛСВ.

В белорусском языке группа представлена тринадцатью единицами: *абараняць 1, абараняць 2, абараняць 3, абараняцца, адбівацца, адстойваць, ахоўваць, бараніць, выгароджваць, заступацца, уступацца, прыкрываць, стаяць*.

Вычленение лексико-семантической группы (ЛСГ), элементы которой объединены значением одной лексемы (имени ЛСГ), представляет собой формальную процедуру, и в итоговый список попадают слова, связанные не только с центральным, но и с периферийными значениями слова-имени. Поэтому с целью более полного отражения системных связей глаголов в ЛСГ защиты белорусского языка включались глаголы в основных и неосновных (вторичных, периферийных) значениях. Вслед за А. В. Бондарко, выделяя главное, или основное, значение, мы основываемся на критерии наименьшей зависимости от контекста. Такое значение не требует особых дополнительных условий реализации и проявляется в минимальном контексте [5, 107].

Основным для глагола-идентификатора будем считать значение, приведенное в указанном выше словаре под цифрой 1: *абараняць* каго-што – 'адбіць напад ворага, не даць у крыўду каго-небудзь' (*абараняць* Радзіму).

⁴При цитировании ссылаемся на Беларускую Палічку (БП) [14], а также другие белорусскоязычные электронные Интернет-ресурсы: <http://www.google.com.by>.

Участие субъекта в каузирующей ситуации имеет огромную значимость для каузативной ситуации в целом. Именно семантика субъекта определяет степень воздействия на объект: сочетание каузативного глагола с одушевленным субъектом усиливает, осуществление непроизвольной каузации неодушевленным субъектом-каузатором снижает каузативное воздействие на объект.

Ниже представлены особенности сочетаемости глаголов со значением 'защищать' с одушевленным/неодушевленным именем в роли субъекта-каузатора⁵.

Таблица – Сочетаемость каузативных глаголов со значением 'защищать' с субъектом различной категориальной семантики⁶

Язык	-	Глагол	Одушевленный субъект	Неодушевленный субъект
Белорусский	Ядро	абараняць 1	+	+
		абараняць 2	+	+
		абараняць 3	+	+
		Адстойваць	+	+
		Ахоўваць	+	+
		Бараніць	+	+
		Заступацца	+	-
		Уступацца	+	-
	Периферия	Выгароджваць	+	-
		Прыкрываць	+	+
		Стаяць	+	+

Из таблицы видно, что большинство глаголов со значением 'защищать' в белорусском языке сочетаются с одушевленным и неодушевленным субъектом. *Заступацца, уступацца, выгароджваць* встречаются исключительно с одушевленным субъектом.

В работе выделяется разновидность неодушевленного субъекта⁷. Употребление в качестве каузатора исследуемых каузативных глаголов неодушевленного субъекта второго типа, представляющего собой наименование, образованное путем метонимического переноса с наименования социальной организации, государственного органа или на человека или группу людей, занимающихся соответствующей деятельностью, с географического названия на людей, проживающих в данной местности, не снижает степень каузативного воздействия глагола на объект.

Абараняць 1: Паветы Княства маглі самі абараняць сваю тэрыторыю (Г. Сагановіч. Невядомая вайна: 1654–1667 // БП).

Абараняць 3: Прафсаюзы абараняюць працоўныя правы сваіх членаў (Аб прафесійных саюзах // www.rahojscha.narod.ru).

Адстойваць: Сталінград змог адстаяць сваю незалежнасць (Кроў пра герояў нашага часу // www.viersy.miensk.com).

Ахоўваць: Паліцыя ахоўвае турму (Г. Грын. Стамбульскі экспрэс // БП).

Бараніць: Грамадскі камітэт будзе бараніць інтарэсы жыхароў (Праваабарончы цэнтр «Вясна» // www.spring96.org). Глаголы *абараняць 2, заступацца, стаяць, прыкрываць, уступацца* не встречаются с субъектом подобного типа, что никак не отражается на их степени каузативности.

Выводы

Таким образом, согласно утверждению, сделанному выше, о том, что одушевленность субъекта повышает степень каузативного воздействия на объект, все исследуемые глаголы белорусского языка следует рассматривать как единицы с высокой степенью каузативного воздействия на объект, поскольку все они в роли субъекта-каузатора могут иметь одушевленное имя. Способность

⁵ Для каждого глагола было проанализировано по 50 контекстов.

⁶ В таблице отсутствуют глаголы *абараняцца, адбівацца*. Они не рассматриваются в работе по следующим причинам: глаголы *абараняцца, адбівацца* содержат сему 'каузировать', но являются единственными представителями автокаузативных глаголов в белорусской ЛСГ глаголов со значением 'защищать', что лишает нас возможности равнозначного сопоставления данных единиц с другими членами рассматриваемой ЛСГ.

⁷ Далее будем называть такой субъект «неодушевленным субъектом второго типа».

данных единиц (кроме *заступацца*, *уступацца*, сочетающихся с одушевленным и неодушевленным субъектом второго типа, *выгароджваць*, имеющим только одушевленный субъект) встречаться как с одушевленным, так и с неодушевленным субъектом свидетельствует о возможности контекстуальных колебаний степени воздействия каузатора на объект.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Комаров, А. П. Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. П. Комаров ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1973. – 70 с.
2. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : фрагм. приклад. (пед.) модели яз. : учебник / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 502 с.
3. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 347 с.
4. Курбаленко, Н. В. Каузативные конструкции в немецком и русском языках (семантико-функцион. аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Курбаленко. – Минск, 2006. – 123 с.
5. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко ; под общ. ред. В. М. Жирмунского. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. – 115 с.
6. Кильдибекова, Т. А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском языке / Т. А. Кильдибекова // Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания : межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т ; редкол.: Л. М. Васильев (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1984. – С. 8–18.
7. Valenčný slovník Slovenských slovies / J. Nížniková [a kol.] ; red. rada : J. Furdík (ved. red.) [a kol.]. – Prešov : Prešovská Univ., 1998. – 150 s.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
9. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.
10. Lemmens, M. How experience structures the conceptualization of causality / M. Lemmens // Cognitive linguistics investigations : across lang., fields and philos. boundaries / ed. by J. Luchjenbroers. – Amsterdam ; Philadelphia, 2006. – P. 255–270.
11. Виноградов, В. А. Категория одушевленности – неодушевленности / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М., 2002. – С. 342–343.
12. Кузьменкова, Т. В. Категория одушевленности-неодушевленности в современном белорусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. В. Кузьменкова ; Акад. наук БССР, Ин-т языкознания. – Минск, 1980. – 25 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы больш за 65000 слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства. – 4-е выд. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2005. – 783 с.
14. Беларуская Палічка [Электронны ресурс]. – Минск, 1996. – Режим доступа : <http://www.knihi.com>. – Дата доступа : 05.08.2006.
15. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика / сост., общ. ред. В. А. Звегинцев. – С. 369–495.
16. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 608 с.

Поступила в редакцию 24.02.16

E-mail: anzhelalsh@tut.by

A. G. Litvinovich

SEMANTIC CHARACTERISTIC OF A CAUSATIVE VERB LEFT AGENT (ON THE MATERIAL OF THE BELARUSIAN LANGUAGE)

The article deals with the peculiarities of causativity as an independent category. Differential features of the functional semantic category of causativity are given. The categorial semantics of the causative verb left agent is analyzed in details. The combinatory power of the Belarusian defence verbs with an animate/inanimate subject is presented. The interdependence of the causative verb left agent categorial semantics and the degree of causativity is set. It is stated that combinability of the causative verb with an animate subject makes the causativity degree of the verb higher, and with an inanimate subject – lower.

Keywords: causativity category, causative verb, degree of causativity, functional semantic category, Byelorussian language, categorial semantics, left agent, animate subject, inanimate subject.

УДК 811.161

В. С. Сидорец

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

КОММУНИКАТИВНОЕ СООТНОШЕНИЕ ТИПОВЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРУПП ВЕРБОИДОВ С ДЕРИВАНТАМИ *ОДЕРЖУВАТИ*, *ПОЛУЧАТЬ*, *АТРЫМЛІВАЦЬ* И ИХ СИНОНИМАМИ

*В сопоставительном (контрастивном) аспекте рассматриваются типовые деривационные группы вербоидов, возглавляемые в украинском языке деривантом **одержувати**, в русском – **получать**, в белорусском – **атрымліваць**, а также типовые деривационные группы, возглавляемые их синонимами, для выявления как общих, так и специфических черт в процессе реализации предикатного признака. Учитывается степень специализации русских, белорусских и украинских деривантов в качестве функциональных формантов вербоидов с опорой на фактор десемантизации – ослабления и утраты прямого, номинативного значения, являющегося показателем знаковости того или иного слова, и постепенного превращения его в стробовый речевой элемент, который пополняет деривационную (словообразовательную) систему восточнославянских языков. Обращается внимание на то, что в процессе десемантизации дериванты сближаются по значению, подвергаются синонимизации. Однако остатки номинативного значения, сохраняющиеся в деривантах, влияют на характер вербоидного действия как в одном, отдельно взятом языке, так и с учётом национальной специфики, в результате которой может происходить дистанционирование межъязыковых фактов даже в близкородственных языках.*

Ключевые слова: деривант, вербоид, деривационная группа.

Введение

Как неоднократно отмечалось нами, в раскрытии специфики восточнославянских вербоидов на структурно-системном и функционально-семантическом уровнях существенную помощь оказывает контрастивный (сопоставительный) метод, имеющий несомненный теоретический и практический интерес [1, 98], так как опирается на универсальный приём – сравнение и сопоставление лингвистических объектов в генетически родственных и неродственных языках для установления подобий и различий, связанных «с выходом за рамки одного языка» [2, 229]. Сопоставительный аспект при этом учитывает то, что создаёт «идиоматичность каждого конкретного языка или конкретной группы языков, выделенных на тех или иных основаниях» [2, 229].

В сфере восточнославянских неоднословных наименований предикатного признака с десемантизированным компонентом – вербоидов – теоретический и практический интерес представляют не получившие освещения в современной лингвистической науке типовые деривационные группы – совокупности вербоидов, образованные с помощью деривантов (десемантизированных глаголов) *одержувати*, *получать*, *атрымліваць*, а также группы, возглавляемые их синонимами.

Результаты исследования и их обсуждение

В украинском языке деривант *одержувати*, результат десемантизации одноименного глагола, представлен многочисленной типовой деривационной группой вербоидов. Сочетаясь с предикатными существительными (*одержувати: відповідь, відпустку, догану, допомогу, доплату, інформацію, нагороду, назву, наказ, направлення, освіту, оцінку, перемогу, поранення, призначення, приріст, розвиток, розпорядження, роз'яснення, стягнення* и др.), он широко употребляется в различных по стилистическому характеру текстах: «Дуже хочу **одержати** від Вас **відповіді** на викладені вище запитання» [Культура і життя. – 24.09.81, с. 3], «Завідуючі дитячих закладів... **одержавши** суворі **догани**, не ремствували на дозорців за критику» [Радянська Україна. – 22.01.82, с. 2], «Треба зробити все, щоб радянська людина завжди та повсюди мала **одержати** своєчасну, кваліфіковану та чутку медичну **допомогу**» [Радянська Україна. – 22.01.82, с. 2], «Для усунення хиб комітет установив строки і в призначений час **одержав інформацію** з місць» [Радянська Україна. – 22.01.82, с. 2], «Багато **нагород** – дипломів, медалей та інших

почесних відзнак – **одержали** художники “Веселки” в останні роки» [Літературна Україна. – 01.08.80, с. 1], «Депутати місцевих рад Української РСР минулого скликання **одержали** майже 90 тисяч **наказів**, і практично всі вони виконані» [Вісник АН УРСР. – 1981, № 8, с. 15], «Назим виріс у дідуся-губернатора і **одержав** блискучу **освіту**» [Літературна Україна. – 21.01.82, с. 8], «Спектаклі... були показані на заключному турі Всесоюзного огляду в Москві, де **одержали** позитивну **оцінку** громадськості і преси» [Культура і життя. – 24.09.81, с. 1], «Кілька десятків чоловік **одержали поранення**» [Українське радио. – 29.11.91], «Саме тоді Ігор Давидов і **одержав** **призначення** на посаду майстра в ремонтно-будівельне управління» [Радянська Україна. – 22.01.82, с. 4], «Весь **приріст** продукції намічено **одержати** за рахунок зростання продуктивності праці» [Соціалізм і праця. – Київ, 1976, с. 96], «Дальший **розвиток** цей рух **одержав** на Московському автозаводі ім. І. О. Лихачова» [Соціалізм і праця. – Київ, 1976, с. 75].

Конкурентами дериванта *одержувати* можуть быть дериванти *діставати*, *здобувати*, *набувати*, *отримувати* и др.: «Класифікація М. М. Шанського **дістала** широке **визнання**, особливо в науково-методичній літературі» [Л. Г. Скрипник. Фразеологія української мови. – Київ, 1973, с. 16], «Молдавія **дістає** від України велику **допомогу** в справі розвитку науки і культури» [Соціалізм і праця. – Київ, 1976, с. 15], «Ті форми й організаційно-творчі рішення, які себе виправдали, **дістали підтримку** наших глядачів і слухачів» [Радянська Україна. – 27.01.82, с. 2], «...в білих рукавичках **перемоги** не **здобувають**» [3, 230], «Широкого **визнання** у вітчизняному й світовому мовознавстві **здобула** семантична класифікація, опрацьована акад. В. В. Виноградовим» [Л. Г. Скрипник. Фразеологія української мови. – Київ, 1973, с. 13], «Наслідком цієї багаторічної праці стала книжка “Про критерії художності”, яка **здобула** високу **оцінку** серед читачів» [Літературна Україна. – 21.01.82, с. 6], «Ми звернули увагу на нарис Валерія Аграновського, що публікувалися в “Комсомольской правде” і **набули** широкого **розголосу**» [Культура і життя. – 24.09.81, с. 1], «Тому **набуває** величезного значення **точне й неухильне здійснення прийнятих законодавчих актів**» [Вісник АН УРСР. – 1981, № 8, с. 13], «Дмитро Проскура, **набувши** в колективі доброї **кваліфікації**, заслужив на честь поїхати до братньої Монголії на будівництво важливого об'єкту» [Радянська Україна. – 22.01.82, с. 2], «Пізніше високого рівня **розвитку** **набула** юридична термінологія» [Склад і структура термінологічної лексики укр. мови. – Київ, 1984, с. 6], «Він (закон. – В. С.) **ще не набув чинності**» [Українське радио. – 04.05.04]; «Поняття, яке **ще не отримало** своєї **номінації**, викликає в свідомості асоціативні уявлення про... інші поняття» [Склад і структура термінологічної лексики укр. мови. – Київ, 1984, с. 117], «**Ще допомагає** їм **отримати заряд** здоров'я, **заряд** бадьорості» [Українське радио. – 09.03. 91], «Хрещення Ольги **отримало розголос** по всьому світові того часу...» [Українське радио. – 06.04. 91].

Деривант *одержати* обрёл среди синонимичных деривантов более высокую степень специализации в роли своеобразного функционального форманта вербоидов, о чём свидетельствуют приведенные выше примеры, тем не менее абсолютное тождество здесь отсутствует, если учитывать «остатки» внутренней (номинативной) формы каждого из деривантов, которые определённым образом отражаются на реализации вербоидами акционсартной семантики в соответствующих контекстных условиях. Так, глаголы *одержувати*, *діставати*, превращаясь в процессе десемантизации в дериванты вербоидов, синонимизируясь по центральной семе «брати», могут расходиться по периферийным семам: «брати, приймати те, що надсилається, надається, вручається» [4, 625], «брати, витягувати що-небудь звідкись... дотягуючись, досягаючи, доторкатися до чого-небудь» [5, 308]. В первом случае периферийный семантический компонент «приймати те, що надсилається, надається, вручається» сигнализирует об осуществлении подготовленного кем-то факта, поэтому деривант *одержувати* более свободен в выборе предикатных существительных при образовании вербоидов, во втором – периферийный семантический компонент способен порождать в вербоиде под влиянием текста дополнительные акционсартные смысловые элементы: брать что-то по результатам своей деятельности, с помощью традиционных связей, а также каких-то попыток, сделок и т. п.

Деривант *здобувати* отличается от дериванта *одержувати* тем, что придаёт вербоидам более весомый, значимый характер процессуального признака – обусловленный внутренней формой одноименного глагола: достигать цели, предпринимая весьма решительные, энергичные действия, о чём свидетельствуют наши примеры, извлечённые из различных источников. К сожалению, в украинских словарях даётся нередко расплывчатое толкование семантики глагола, порождающего деривант *здобувати*.

В дериванте *набувати* «ощутимы» номинативные семы «ставати власником кого-, чого-небудь», «купувати... збирати, наживати, нагромаджувати протягом якогось часу» [5, 20–21], которые подчёркивают результативность предикатного признака, обозначаемого вербоидом.

Весьма скупо освещена семантическая структура глагола *отримувати* и его порождения – одноименного дериванта в 11-томном «Словнику української мови». Тем не менее в глаголе, по данным нашей картотеки и соответствующей словарной статьи [5, 810], явственно проступает прагматический семантический элемент – приобретение чего-л., что в некоторой степени отличает его от глагола *одержувати* и, естественно, отражается на семантике дериванта *отримувати* как более значимого в этом отношении по сравнению с деривантом *одержувати* в реализации вербоидного предикатного признака.

Принципиально отличается от украинского дериванта *одержувати* (*одержати*) русский деривант *одерживать* (*одержать*), который употребляется в фактическом фразеологизме *одерживать верх* и в достаточно фразеологизированном вербоиде *одерживать победу* [6, 591]. В последнем примере, однако, русский вербоид *одерживать победу* и украинский *одержувати перемогу* имеют сходную функционально-семантическую направленность. Утрачивая индивидуальную сему (семь), бывшие глаголы *одерживать* и *одержувати* сохраняют и даже усиливают общую, категориальную, сему действия, процесса, которая формирует грамматический облик вербоидов. Более динамичное по сравнению с глаголами *побеждать* и *перемогати* смещение семантических акцентов в содержательной структуре неоднословных наименований проявляется в том, что именные компоненты *победа* и *перемога* с подчёркнуто оценочным, результативным содержанием семантически и словообразовательно связаны с этими глаголами, имеющими усиленную прямую направленность действия. При этом субъект действия ни от кого не «получает» победы, а добывает её сам, прикладывая к этому определённые силы: «*На всеобщих парламентских выборах в марте прошлого года партия Джаната партии **одержала** убедительную **победу** в северных штатах страны*» [Известия. – 02.03.78, 4]; «*На загальних парламентських виборах у березні минулого року партія Джаната парті **одержала** (здобула) переконливу **перемогу** в північних штатах країни*».

Основным функционально-семантическим соответствием к дериванту *одержувати* является деривант *получать* (ответ, отпуск, выговор, помощь и т. д.): «*Очень хочу **получить** от Вас **ответы** на изложенные выше вопросы*», «*Заведующие детскими учреждениями... **получив** суровые **выговоры**, не сетовали на проверяющих за критику*», «*Надо сделать всё, чтобы советский человек всегда и везде мог **получить** своевременную и чуткую, внимательную медицинскую **помощь***». «*Для устранения недостатков комитет определил сроки и в назначенное время **получил** информацию с мест*», «*Много **наград** – дипломов, медалей и других весьма важных знаков отличия – **получили** художники “Весёлки” в последние годы*», «*Назيم вырос у дедушки-губернатора и **получил** блестящее **образование***», «*Дальнейшее **развитие** это движение **получило** на Московском автозаводе им. И. О. Лихачёва*» и др.

Русский деривант *получать* также имеет конкурентов, правда, в несколько меньшем количестве, чем деривант *одержувати*: *набирать*, *обретать*, *приобретать* и нек. др. Например: «*Тепловоз **набирал** **скорость**, делал поворот, останавливался и вновь двигался по колею*» [Известия. – 23.11.80, 6]; «*Женщина Востока стремилась **обрести** **свободу**...*» [Литературная газета. – 28.12.77, 2], «*Слушая музыку Чайковского, мы ощущаем в себе новые надежды **обрести** **правильный ответ** и **определить** верный свой путь*» [Известия. – 23.11.80, 6]; «*И вероятность того, что в другом, даже близкородственном, языке эти процессы **приобретут** те же самые **формы выражения**, сомнительна, поскольку и близкородственный язык к своему современному состоянию обычно приходит самобытным путём и функционирует как самостоятельная единица*» [Сопоставительное исследование русского и украинского языков. – Киев: 1975, с. 34], «*Она (горьковская мысль. – В. С.) **приобрела** новое **наполнение** и **развитие** в многообразии духовной деятельности современных людей труда*» [Литературная газета. – 14.12.77, с. 2].

В первом примере деривант *набирать* за счёт ослабленной номинативной семы «брать, собирать **постепенно** или **в несколько приёмов** какое-л. количество чего-л.» [6, 327] реализует нарастающий характер способа вербоидного действия в отличие от синонимического дериванта *получать*, не имеющего этой редуцированной семы: «брать, принимать что-л. вручаемое, присылаемое, выдаваемое» [7, 275]. В украинском языке ему соответствует деривант *набирати*, который несколько шире русского в употреблении: «*Зробивши коло над аеродромом, аероплан*

набирає висоту» [4, 14], «За час, що минув відтоді, цей патріотичний рух **набрав** великого **розмаху»** [Радянська Україна. – 07.04.84, 1].

Во втором и третьем примерах книжный по стилевой окраске деривант *обрести*, отражающий в своей содержательной структуре семантические элементы «найти, отыскать, получить» [6, 564] в соответствии с эмоционально-экспрессивным характером предложений придаёт способу вербоидного действия элемент особой возвышенности. В качестве коммуникативных соответствий в украинском языке могут быть дериванты *здобути* и *знайти*: «Жінки Сходу прагнуть **здобути** свободу...», «Слухаючи музику Чайковського, ми відчуваємо у собі нові надії **знайти** правильну **відповідь** і визначити вірний свій шлях». При этом, если первый украинский деривант «покрывает» русский деривант *обрести*, или, по-другому, вносит свой вклад в эмоционально-экспрессивный характер предложения, то второй – не может этого осуществить, так как является не книжным, а общеупотребительным. Поэтому возвышенность исходит из содержания всего предложения, которая распространяется и на деривант *знайти*.

Деривант *приобретать* (*приобрести*) с учётом остатков номинативной семы «стать обладателем кого-, чего-л., обзавестись кем-, чем-л.» [7, 430] значительно интенсивнее, чем дериванты *обретать*, *получать*, акцентируют внимание на результативности вербоидного действия. Не случайно поэтому в словарной статье к дериванту *приобрести* приводятся украинские коммуникативные соответствия *придбати*, *здобути*, *набути* и др., отличающиеся усиленной характеристикой способа вербоидного действия [8, 726]: «Й імовірність того, що в інший, навіть близькоспоріднений, мові ці процеси **набудуть** тих же **форм вираження**, є сумнівною, оскільки й близькоспоріднена мова доходить звичайно свого сучасного стану своєрідним шляхом і функціонує як самостійна одиниця», «Вона (думка Горького. – В.С.) **здобула** нове **наповнення й розвиток** в різноманітності духовної діяльності сучасних людей праці».

Белорусские коммуникативно-семантические соответствия – это прежде всего дериванты *атрымліваць*, *набываць*, *здабываць*, *прыдбавць*, *набіраць* и др.: «Вельмі хачу **атрымаць** ад Вас **адказы** на выкладзеныя вышэй запытанні», «Для ўстаранення хібаў камітэт вызначыў тэрміны і ў прызначаны час **атрымаў інфармацыю** з месцаў», «Спектаклі... былі паказаны на заключным туры Ёсесаюзнага агляду ў Маскве, дзе **атрымалі** пазітыўную **ацэнку** грамадскасці і прэсы», «Далейшае **развіццё** гыты рух **атрымаў** (**набыў**) на Маскоўскім аўтазаводзе імя І. А. Ліхачова», «Увесь **прырост** прадукцыі намечана **атрымаць** за кошт павелічэння прадукцыйнасці працы», «Менавіта тады Ігар Давыдаў і **атрымаў** **назначэнне** на пасаду майстра ў рамонтна-будаўнічае ўпраўленне», «Шмат **узнагарод** – дыпламаў, медалёў і іншых ганаровых адзнак – **атрымалі** мастакі “Вясёлкі” ў апошнія гады», «Назім вырас у дзядулі-губернатара і **здабыў** (**атрымаў**) **выдатную адукацыю**», «...гэта было сведчаннем таго, што праблема **набывала** (приобретала, набувала) навуковую **вартасць і актуальнасць**» [А. Я. Міхневіч, Проблемы семантика-синтаксічнага даследавання беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – С. 98], «...паэзія Л. Дайнекі **набыла** (обрела, набула) тую сацыяльную **значнасць**, калі лірычны герой аўтара паўстае перад намі чалавекам, заклапочаным жывымі справамі» [Полымя. – 1980. – № 10. – С. 247], «Мы гаворым пра народы, якія **здабылі** (обрели, здобули) **дзяржаўную незалежнасць і пачалі актыўна будаваць сваю нацыянальную культуру**» [Полымя. – 1980, № 10. – С. 203], «У гэты дзень асаблівы **сэнс набывалі** (обретали, набували) **радкі паэта, вынесеныя на вокладку запрашальнага білета**» [ЛіМ. – 09.10. 81, 10] «Рыбак з гэтага самага Івана не вельмі што, за ўсё сваё жыццё ён, можа, і злавіў паўдзiesiąтка ічупакоў, але ўсё ж **славу** сабе **прыдбаў** (приобрёл, придбав) шырокую і ведаюць аб ім многія» [9, 208], «Машина лёгка адарвалася ад узлётнай паласы і імкліва **набрала** (набрала, набрала) **вышыню**» [10, 426].

Хотя в белорусском языке отсутствуют звуковые соответствия русскому и украинскому деривантам *одержати* и *одержать*, белорусская система типовых вербоидных групп во главе с деривантом *атрымаць* (*атрымліваць*) ближе к украинской системе: во-первых, в украинском и белорусском языках представлены звуковые деривантные соответствия *отримувати* – *атрымліваць*, *набувати* – *набываць*, *здобувати* – *здабываць*, *придбати* – *прыдбавць*; во-вторых, в литературных украинском и белорусском языках нет звуковых соответствий русским деривантам *получать*, *обретать*, *приобретать*; в-третьих, в украинском и белорусском языках много общего в процессе употребления в тексте. Однако отмеченные белорусские и украинские дериванты не дублируют друг друга в фонетическом аспекте (в плане выражения: *отримувати* – *атрымліваць*), в аспекте синтаксическом (*набувати популярності* – *набываць популярнасць*), в аспекте частоты употребления: украинский деривант *отримувати* имеет в литературном языке мощного

конкурента – деривант *одержувати*, поэтому используется в украинских текстах значительно реже, чем в белорусских деривант *атрымліваць*.

Отсутствие необходимого фактического материала не позволяет пока установить хотя бы приблизительный объём типовых восточнославянских вербоидных групп, возглавляемых отмеченными деривантами-синонимами, чтобы выявить разницу этих групп в количественном отношении, которая, как показывают наши материалы, несомненно имеет место.

Выводы

Проанализированный восточнославянский языковой материал позволяет констатировать, что в процессе развития русский, белорусский и украинский языки приобрели целый ряд специфических черт для реализации предикатного признака неоднословными наименованиями с десемантизированным компонентом – вербоидами. Так, в украинском языке значительно активизировался в качестве дериванта глагол *одержувати*, в отличие от русского языка, в котором он представлен единичными примерами, а в современном белорусском языке он вообще отсутствует. В русском языке главным коммуникативным соответствием к дериванту *одержувати* является деривант *получать*, в белорусском – деривант *атрымліваць*. В каждом из языков выработан набор синонимических деривантов, возглавляющих соответствующие типовые вербоидные группы. При этом сближающиеся в плане выражения украинские и белорусские наборы деривантов могут отличаться по другим параметрам.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сидорец, В. С. К проблеме сопоставительного исследования языков / В. С. Сидорец // Язык и культура = [Мова і культура] / редкол.: Д. С. Бурого (главн. ред.) [и др.]. – Киев : Издательский дом Д. Бурого, 2008. – Вып. 10, т. 7 (107). – С. 96–101.
2. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований / АН СССР, Институт языкознания; [ответственный редактор Б. А. Серебренников]. – М. : Наука, 1973. – 318 с.
3. Словник української мови: [в 11 т.] / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ: Наукова думка, 1975. – Т. 6. – 832 с.
4. Словник української мови: в 11 т. / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ: Наукова думка, 1974. – Т. 5. – 840 с.
5. Словник української мови: [в 11 т.] / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ: Наукова думка, 1971. – Т. 2. – 550 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М. : Русский язык, 1982. – Т. 2. – 756 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М. : Русский язык, 1984. – Т. 3. – 750 с.
8. Русско-украинский словарь: [около 130000 слов: в 3 т.] / АН УССР, Институт языкознания им А. А. Потемкина; редколлегия: И. К. Белодед (председатель) [и др.]. – Киев : Наукова думка, 1968. – Т. 2. – 656 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; [пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча; рэдкалегія: А. Я. Баханькоў і інш.]. – Мінск : Выдавецтва "Беларуская савецкая энцыклапедыя", 1977–1982. – Т. 3. – 1979. – 672 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; [пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча; рэдкалегія: А. Я. Баханькоў і інш.]. – Мінск : Выдавецтва "Беларуская савецкая энцыклапедыя", 1977–1983. – Т. 4. – 1981. – 768 с.

Поступила в редакцию 25.01.16

V. S. Sidorets

COMMUNICATIVE CORRELATION OF STANDARD EAST SLAVIC VERBOID GROUPS AND THEIR DERIVANTS *ОДЕРЖУВАТИ, ПОЛУЧАТЬ, АТРЫМЛІВАЦЬ* AND SYNONYMS

Typical derivational groups of verboids *одержувати* (in Ukrainian), *получать* (in Russian), *атрымліваць* (in Belarusian), and derivational groups of their synonyms were contrasted in order to determine their common and specific predicative features. Being a functional formant of verboids, the level of Russian, Belarusian and Ukrainian derivants was considered. In that vein, weakening and loss of the direct nominative meaning caused by desemantisation is observed. It led to transition of language items to structural speech unity. The author paid much attention to derivants which became similar in meaning because of synonymisation. However, the remains of nominative meaning of derivants influenced on derivants activity within this or that language. Thus the spacing of interlingual facts in closely related languages was observed.

Keywords: derivant, verboid, derivative group.

УДК 808.26 – 313.1 (043.3)

В. В. ШурДоктар філалагічных навук, прафесар,
МГПУ імя І. П. Шамякіна, г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь**ОНИМНАЯ ГУЛЬНЯ Ў ТВОРАХ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ, ФАЛЬКЛОРЫ**

У артыкуле на прыкладах онімаў, выяўленых у слоўніках і творах беларускай мастацкай літаратуры і фальклору, даследуецца моўная гульня як выразны кампанент вобразнай сістэмы ўласных імёнаў, якая арыентавана на дасягненне пэўнага нестандартнага эфекту і ўздзеянне на чытача з пэўным эмацыйным праяўленнем.

Ключавыя словы: анамастыкон, онім, кантэкст, онімная гульня, алюзія, каламбур, перыфраза.

Уводзіны

Нярэдка ў творах мастацкай літаратуры, фальклору можна выявіць прыклады ўмелай “моўнай гульні” сродкамі фанетыкі, графікі, арфаграфіі, марфалогіі, лексікі, сінтаксісу. Звычайна такая гульня ўспрымаецца як пэўнае адхіленне ад усталяванай нормы, як “анамалія”, як пэўны спосаб самавыражэння, пры якім праяўляецца моўная асоба, яе ўяўленні пра рэчаіснасць, пэўныя схільнасці і творчы патэнцыял. Такая моватворчасць арыентавана на дасягненне нейкага нестандартнага эфекту і ўздзеянне на адрасата з пэўным эмацыйным праяўленнем.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Онімная гульня спецыялістамі кваліфікуецца як выразны кампанент вобразнай сістэмы ўласных імёнаў у мастацкім творы. Яна адзін з эфектыўных спосабаў стварэння выразнага стылёвага эфекту ў мастацкім тэксце. У лінгвістыцы сфарміравана некалькі арыгінальных падыходаў да яе вывучэння і апісання. Так, у рускім мовазнаўстве з’явіліся даследаванні, прысвечаныя аналізу гэтай з’явы (гульні) на матэрыялах мовы сродкаў масавай інфармацыі, фальклору, асобных мастацкіх твораў (гл. публікацыі даследчыкаў Данецкай анамастычнай школы: працы В. Калінкіна, Н. Мудровай, а таксама Т. Грыдзінай, Э. Краўчанка, Р. Шэбалава і інш.). На наш погляд, моўную гульню паслядоўна ў творах беларускай драматургіі ўмела выяўляў і даследаваў прафесар В. Рагаўцоў, не ўжываючы гэтае тэрміналагічнае спалучэнне, у тым ліку і на шматлікіх антрапонімах і тапонімах, выкарыстаных як мастацкі сродак у творах Янкі Купалы, Якуба Коласа, Кандрата Крапівы, Андрэя Макаёнка і інш. Б. Норман у сваёй арыгінальнай кнізе “Язык: знакомый незнакомец” (Мінск, 1987) у заключнай частцы тлумачыць сутнасць тэрміна “гульня”, ужываючы яго ў больш вузкім сэнсе: “занятка, што значыць забаўляцца, весяліцца словамі, гукамі”. “Іншымі словамі, моўная гульня (у максімальна шырокім разуменні гэтага тэрміна) – гэта нетрадыцыйнае, некананічнае выкарыстанне мовы, гэта творчасць у мове, гэта арыентацыя на схаваныя эстэтычныя магчымасці моўнага знака” [7, 168]. Даследчык тлумачыць, што з дзяцінства ўсім знаёмая своеасаблівая гульня пра сапсаваны тэлефон і падобныя вольнасці. У больш дарослым узросце забаўляюцца рэбусамі, шарадамі, красвордамі і чайнвордамі, паліндронамі. Усе падобныя гульні, несумненна, карысныя: яны развіваюць моўную памяць, фантазію, іншыя моўныя здольнасці. Для лінгвіста гэта даволі цікавы аб’ект назірання і роздуму [С. 194]. А ўпершыню тэрмін *моўная гульня* выкарыстаў аўстрыйскі філосаф і логік Людвіг Вітгенштэйн.

У сучасных лінгвістычных тэорыях і канцэпцыях ёсць самыя розныя вызначэнні феномена моўнай гульні. Так, пад гэтай моўнай з’явай некаторыя даследчыкі разумеюць факты, калі гаворачая асоба вольна абыходзіцца з формай маўлення, каб павялічыць яе выразнасць або стварыць камічны эфект. “Свабодныя, вольныя аносіны да асобных слоў, да формы маўлення і яе рэалізацыі атрымліваюць эстэтычную зададзенасць, нават самую сціпую” (Т. Грыдзіна, Е. Земская, В. Саннікаў). Н. Аруцёнава разглядае яе як “анамалію”, *усвядомленую на фоне нормы*, Б. Норман кваліфікуе яе як “рэалізацыю асіметрыі моўнага знака і парушэнне сістэмных адносін паміж знакамі”, Р. Якабсон “як праяўленне функцыі мовы пры мадэляванні эфекту балакання і вастраслоўя, а таксама тропавых кампанентаў мастацкага тэксту”. У якасці

рэалізацыі моўнай гульні ў творах літаратуры, фальклору найчасцей выступаюць жарт, каламбур, вострае нечаканае выказванне, розныя віды тропы (параўнанні, метафары, перыфразы і г. д.) [1].

Онімная гульня ўласціва шматлікім фальклорным творам. Так, у займальнай форме, у народных прыпеўках, запісаных Максімам Лужаніным на радзіме Я. Коласа, абыгрваюцца імёны першых уладальнікаў Нясвіжа: каламбурна супастаўляюцца іх прозвішчы і сугучныя ім апелятывы – аманімічныя агульныя назоўнікі: *Калі правілі Кішкі, / Выдзіралі нам кішкі, / А прыйшлі Радзівілы – / Рвуць і кішкі і жылы. / Не даваліся Кішку / Мы ў шырокую кішку, / А князь Радзівіл цішкам / Нас глынуў разам з Кішкам* [2, 63].

У зборніку “Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы”, які склаў Ф. Янкоўскі, ёсць нават асобны раздзел “Добразыхлівыя і жартоўныя пажаданні. Жарты. Каламбур”. Пададзены там і прыклады абыгрывання онімаў з мэтай дасціпнага і часам нечаканага супастаўлення іх з агульнымі лексічнымі адзінкамі або іх формамі: – *Як завуць? – А як за Вуць, дык і Церахоўка; Падкузьміў Кузьма Дзяміда; Паддзімдізіў Кузьма Дзяміда; Дзядзька Піліп, ці ты да лаўкі прыліп? Ішоў Тодар з Тадораю, знайшоў лапаць з абораю. – Ой ты, Тодар, я Тадора, табе лапаць, мне – абора.* Паходжанне некаторых каламбураў растлумачыў Ф. Янкоўскі: *рэчка Вуць, а за рэчкаю Церахоўка.* Каламбур заснаваны на сугучнасці *завуць і за Вуць; Шляхам, шляхам, да самай Гразі* – каламбур з Мсціслаўшчыны, заснаваны на супадзенні слоў: *гразь* – бруд і *Гразь* – назва вёскі. На гасцінцы з Мсціслава на Смаленск вясною, восенню многа гразі. Звычайна каламбур ствараюцца ў межах некалькіх радкоў, у якіх рыфмуюцца самыя разнастайныя лексічныя, фразеалагічныя і іншыя моўныя адзінкі. Сярод стылістычных фігур, заснаваных на моўнай гульні, якая выкарыстоўваецца ў мастацкай літаратуры, як лічыць В. Рагаўцоў, адной з самых старажытных, пашыраных і ўжывальных з’яўляецца каламбур, што тлумачыцца асаблівасцямі яго пабудовы (свядома выбіраюцца розныя лексічныя сродкі – полісеманты, амонімы, паранамазы, антонімы, фразеалагізмы і інш.).

Прыкладамі рэалізацыі ўмелай фанетычнай моўнай гульні ў словах з’яўляюцца разнастайныя *алітэрацыі*. Так, у вершах Р. Барадуліна – гэта эстэтычна вывераныя паўтарэнні аднолькавых або блізкіх зычных для ўзмацнення гукавой выразнасці паэтычнай мовы, што дасягаецца прадуманым падборам метафар, каламбурных слоў. Самыя розныя алітэрацыі ў паэзіі Р. Барадуліна – неад’емны кампанент яго гульні – выразных нечаканых метафар, частых каламбураў. Імі ствараюцца разнастайныя зрокавыя і слыхавыя вобразы і іншыя “паэтычныя вольнасці”, у якіх паэт-наватар – “*нявольнік і ўладар адначасова, віртуоз і майстра*” (В. Быкаў). Напрыклад, І. Лепешаў, каменціруючы майстэрства паэта, прыводзіць яго верш “Матылёк”. У ім усяго 66 слоў (разам з 15-ю службовымі), гук *л* паўтараецца 58 разоў [3, 76]. У гэтым арыгінальным вершы гульня рэалізуецца, гаворачы словамі Б. Нормана, “празмерным ужываннем адзінак любога моўнага ўзроўню – фанемнага, марфемнага і г. д. – вядзе да стварэння пэўнага надмоўнага (эстэтычнага, мастацкага) эфекту”.

Як прыём онімнай гульні можна разглядаць ужыванне апісальных выразаў, спецыфічных перыфраз замест канкрэтных онімаў. У некаторых мастацкіх творах уласнае імя персанажа не называецца па самых розных прычынах, але аўтар, указваючы ў тэксце характэрныя прыкметы або нейкія іншыя асаблівасці літаратурнага героя, намякае, падказвае, пра каго вядзецца гаворка. Так, у паэме “Тарас на Парнасе”, як звярнуў на гэта ўвагу І. Лепешаў, упамінаюцца амаль усе багі з рымскай міфалогіі, безыменны толькі *Купідон* – Бог кахання, якога чытач уяўляе як юнака з залатымі крыламі, лукам, стрэламі. Іменна гэтыя атрыбуты падказваюць чытачу расшыфроўку імя безыменнага Бога: *Хлапчына нейкі круглалікі, / Увесь кудравы, як баран, / І за плячмі ў яго вялікі / Прычэплен лук быў і каўчан... / На скрыдлах шпарка паляцеў...* Яшчэ да прачытання тэксту паэмы такія імёны ўводзяць чытача ў асяроддзе алімпійскага Парнасу. Дарэчы, імёны багоў у паэме – гэта імёны-алюзіі, якія выконваюць спецыфічную мастацкую функцыю. Яны (імёны багоў), як і належыць, старажытнагрэцкія альбо старажытнарымскія. Аднак простыя паводзіны, сялянскі побыт і выгляд багоў, як піша З. Тычына, ніяк не стасуюцца з важкімі і гучнымі *зеўсамі, марсамі, венерамі*. Багі толькі імёнамі, а не ладам жыцця нагадваюць жыхароў *Алімпа*. Імёны герояў ёсць іх маскі, якім яны спрабуюць адпавядаць: селянін *Зеўс*, як і належыць яму, кіруе, сялянка *Венера* занятая сваёй красой, сялянка *Геба* ўсіх корміць і г. д. (Роднае слова. – 2007. – № 4. – С. 10–11.).

Як своеасаблівы аўтарскі прыём гульні слоў трэба разглядаць ужыванне ў тэксце, замест уласнага імя або прозвішча, апісальнага выразу. У літаратурнай мове, асабліва ў публіцыстыцы, часта ўжываюцца метанімічныя перыфразы, якімі апісальна называюць прадстаўнікоў пэўнай

прафесіі, занятку, імі падкрэсліваюцца прыметы знешняга выгляду асобы і інш., але свядома не называюцца імя або прозвішча літаратурнага персанажа: *людзі ў белых халатах, чалавек у бесказырцы*. Г. Малажай прыводзіць пераканальны прыклад з рамана З. Бядулі “Язэп Крушынскі”, у якім пісьменнік знаёміць чытача з новым персанажам: *Цярэшка ззяе вачыма. Перад ім адзін з “тых” – з Еўропы. Чорная вопратка, белы каўнер, бліскучая лысіна, рудая бародка, вочы сфінкса...* Далей з усіх прымет гэтай асобы выбіраецца адна – *вочы сфінкса*, і на старонках рамана, дзе з’яўляецца гэты персанаж, ён усюды называецца *чалавекам з вачамі сфінкса*. Гэтая перыфраза паслядоўна ўжываецца замест прозвішча або імя, якое пісьменнік так і не назваў [4, с. 45].

У вершы Я. Коласа “Міжнародныя піраты”, які быў напісаны ў 1937 г. у сувязі з нападам італьянскіх ваяцкіх караблёў на савецкія гандлёвыя судны “Тимирязев” і “Благоев”, паэт дае выкрывальна-зневажальную характарыстыку тагачаснаму “міжнароднаму пірату” Беніта Мусаліні, які быў ініцыятарам і выканаўцам шматлікіх міжнародных разбояў, правакацый і канфліктаў. Я. Колас у вершы ні разу не называе імя і прозвішча дыктатара фашысцкай Італіі, аднак канатацыйная сутнасць гэтых рэальных онімаў, за якімі ў мастацкай літаратуры і грамадстве назіраецца негатыўная інфармацыя, выяўляецца наступнымі мастацка-выяўленчымі сродкамі, насычанымі пеярэсёўнай экспрэсіяй, – аўтарскімі перыфразамі: *цэзар лінавы, гною куча, майстар ад фашызму, бурбалка пустая*; кантэкстуальнымі сінонімамі да імя і прозвішча дыктатара: *пірат, бандыт*; яго ўчынкі і намаганні характарызуюцца наступнымі экспрэсіўна-маркіраванымі дзеясловамі-выказнікамі: *абнаглеў, лезе, шворыцца* і інш. Гэты ж прыём таксама выкарыстаў К. Крапіва ў вершы “Гебельс брэша – вецер носіць”, каб не паўтараць часта адыходзілі прозвішча бліжэйшага паплечніка Гітлера. Чытач, унікаючы ў сутнасць перыфразы (*плюгавы доктар прапаганды*), лёгка здагадаецца, пра каго такія знішчальна-саркастычныя радкі: *Каб прыкрасіць крыху справы/ Гітлераўскай банды,/ У Берліне ёсць плюгавы/ Доктар прапаганды*. Такая метанімічная замена прозвішча апісальным выразам у спалучэнні з эпітэтам *плюгавы* прыцягвае ўвагу чытача, засяроджвае яго на выразна пеярэсёўнай мастацкай дэталі. Даследчык мовы твораў К. Крапівы І. Лепешаў прыводзіць арыгінальны прыклад з верша, дзе сатырык умела абыгрывае прозвішча міністра прапаганды фашысцкай Германіі доктара Гебельса. Дзеля гэтага К. Крапіва выкарыстаў, а потым удала змяніў прыказку “*Сабака брэша – вецер носіць*”. З’яўленню абноўленай прыказкі ў гэксце верша, як слушна пераконвае даследчык, папярэднічаюць параўнанні Гебельса з сабакамі (“*Не збрахаць, як карлік, столькі дзесяці сабакам*”, “*брэша з захапленнем*”), а потым ідзе: “*Нам ужо абрыдлі досыць байкі прайдзісвета: – Гебельс брэша – вецер носіць, – кажам мы на гэта*”. Сатырычны эффект і дасціпнасць гэтага перафразавання становяцца яшчэ больш відавочнымі, калі прыняць пад увагу, што ў нямецкай мове прозвішча гітлераўскага міністра прапаганды супадае са словам *Gebells* (родны склон) – брэх, гаўканне. Такім чынам, адсутнасць імя канкрэтнай гістарычнай асобы ў вершаваных радках кампенсуецца спецыфічным аўтарскім прыёмам – канцэнтраваным ужываннем у творы апісальных выразў, эматыўнай лексікі, якія вызначаюцца заніжанай экспрэсіўнай афарбоўкай, што садзейнічае выяўленню павышанай асацыятыўнасці онімаў, якія, становячыся гіпатэтычна маркіраванымі, рэальна ўспрымаюцца чытачом, але па задуме паэта не называюцца ў творы.

Дарэчы тут адзначыць, што ў рускай літаратуры падобныя па сямантыцы апелятываў прозвішчы рэальных персанажаў (белагвардзейскіх генералаў *Юдзеніча* і *Шкуро*) умела абагрываў у сатырычных творах Дзям’ян Бедны, ствараючы з гэтымі онімамі каламбурныя спалучэнні і ператвараючы іх (онімы) у з’едлівыя мянушкі: *Юдзеніч* → *Іудзеніч*; *Шкуро* → *Шкура*, пра што пераканальна пісала тагачасная літаратурная крытыка.

У іншых вершах Якуб Колас, надворот, свядома ў параўнальна невялікім кантэксце стварае канцэнтраваную адрозных рэальных імёнаў для перадачы адмоўнай экспрэсіі: *Гінуць Гітлер, Гімлер, Герынг, Гебельс, Гес./ Шле за іх літанне папа да нябес*. Памацняе такую моўную гульню экспрэсіўнасць, выразнасць паэтычных радкоў, ампліфікацыя онімаў, а таксама гукавая алітэрацыя, створаная паўторам спалучэнняў *Гі, Ге* ў імёнах кіраўнікоў фашысцкай Германіі. Выяўляецца ў такім свядомым наборе онімаў з пачатковым *Г* і мастацкая *алюзія* – саркастычны намёк на тое, што гэтым гукам пачынаюцца словы, якія выклікаюць самыя адмоўныя асацыяцыі: *гад, гніда, гной, ганьба, гора, гібель, галеча* і інш.

Гэты ж прыём Я. Колас выкарыстоўваў і ў вершы “Пахаванне Гейдрыха”: *Кат Гейдрых ляжаў у труне./ Кат Гімлер аплакваў яго./ Кат Гітлер стаяў, як у сне./ Над падлаю друга свайго*. Узмацняе эмацыйную арганізацыю гэтых радкоў лексіка-стылістычны паўтор, пабудаваны паралельным размяшчэннем онімаў у спалучэнні са словам-рэфрэнам *кат*, якія такім чынам

фіксуюць увагу чытача (слухача), інтэнсіфікуючы канатацыйны бок онімаў і мэтанакіравана падкрэсліваючы іх пярэтыўнае адценне і эмацыйнае ўздзеянне ў кантэксце. Анафара ў гэтых радках таксама выразны і эфектыўны прыём узмацнення гульні і рытма-інтанацыйнай выразнасці верша, дзе дамінантную ролю ў выражэнні пярэтыўнай экспрэсіі выконваюць онімы. Присутнічае ў гэтых паэтычных радках і *аксюмаран* (*падла – друг*) – спалучэнне супрацьлеглых па семантыцы характарыстычных назоўнікаў, якія лагічна выключаюць адзін аднаго, ствараючы такім ужываннем дасціпна-бязглуздае ўяўленне пра носбіта оніма.

Гульня слоў можа выяўляцца і ў “пераклічцы” онімаў-загалоўкаў мастацкіх тэкстаў, іх паўторах у вершаваных радках, якія каламбурна ствараюць эфект павышанай увагі да такой творчасці. Так, у вершы У. Верамейчыка “*Таполі юнацтва*”, прысвечаным народнаму пісьменніку Івану Навуменку – ураджэнцу Палесся з мястэчка Васілевічы, выкарыстаная аплікацыя назваў-загалоўкаў асноўных мастацкіх твораў пісьменніка-земляка Івана Навуменкі стварае спецыфічную “гульню слоў” – каламбур, пабудаваны на амафаніі, калі фрагменты верша-прысвячэння “пераклікаюцца” з назвамі-загалоўкамі або іх фрагментамі з твораў Івана Навуменкі. У паэтычных радках Верамейчыка такія словы ўтрымліваюць павышаны эмацыйны патэнцыял, становячыся кульмінацыйным цэнтрам паэтычнага паслання і прызнання павагі да творчай спадчыны юбіляра, да асобы пісьменніка: “*Вы сталі народным. / Высокае званне. / Для Цітавай копанкі – мір. / Лятуць з Васілевіч да Вас вінішаванні, / Бо Вы і зямляк і кумір. / Хоць хлопцы-равеснікі моцна ссівелі, / Таполі юнацтва шумяць. / Ды Вы, летуценнік, не пастарэлі, / Мы просім пісаць і пісаць. / Няхай не паўторыцца той сорака трэці. / Хай бульба раскошна цвіце, / Няхай на планеце не ведаюць смерці, / Дзяцінства хай ішчасна расце. / Не быць Вам ніколі у зморы і скрусе, Часцей к землякам прыязджаць, / Бо ў Васілевічах і ў Беларусі / Таполі юнацтва шумяць*”.

У вершы “Васілевічы” У. Верамейчык, ужываючы перыфразы, зноў успамінае свайго знакамітага земляка: “*Гарадок у жыццё пазірае, / Бо жыты ходзяць жоўтаю лаваю... / Адпачыць генерал прыязджае / Ці членкор, абцяжараны славаю*”. Не без гумару, не ўпамінаючы прозвішча пісьменніка і акадэміка, выразнымі мастацкімі сродкамі – індывідуальна-аўтарскімі перыфразамі: *членкор, абцяжараны славаю*, алагічнымі спалучэннямі: “*горад вясковы*” – пра мястэчка Васілевічы; параўнаннямі, традыцыйнымі метафарычнымі апісаннямі, паэт стварае выразны рэтрамалюнак былога мястэчка – раённага цэнтра Васілевічы, “*горада вясковага*”, дзе, “*як у Індыі, ходзяць каровы / Па даўжэзнай цэнтральнай вуліцы*”... / *Толькі глуха шумяць таполі, / Цёплым пухам па вулачках сцелючы. / Што тут ёсць – не даўмецца ніколі! – / Ад былое райцэнтраўскай велічы?*” [5, 152]. Параўнаем у гэтай сувязі, што тэкст верша надзвычай асацыятыўны: вобраз таполяў у апавяданнях І. Навуменкі, як піша А. Бельскі, утрымлівае сімволіка-абагульняльны сэнс. Гэтыя дрэвы ўвасабляюць радзіму, з імі звязана дзяцінства і юнацтва: “*Я заўсёды любіў станцыю, – пісаў І. Навуменка, – любіў разложыстыя стогадовыя таполі, якія яе ахінаюць...*” Пастаянны зварот да гэтых дрэў (скразны лейтматыў) сведчыць пра глыбокую духоўную сувязь герояў пісьменніка з радзімай, іх трывалую памяць. З таполямі звязаны аўтарскія ўспаміны і думкі, важныя жыццёвыя падзеі, лёсы герояў. Вобраз таполяў – гэта і своеасаблівая алегорыя маладога жыцця, сімвал юнацтва” [6, 122]. Памацяюць паэтычную гульню, вобразнасць гэтага верша іншыя мастацкія сродкі, напрыклад, арыгінальна свежы аксюмаран-перыфраза “*горад вясковы*” – пра былое мястэчка Васілевічы. Такое ўжыванне заснавана на свядомым алагізме – наўмысным сутыкненні кантэкстуальна несумяшчальных слоў, якія ў такім спалучэнні па волі аўтара не без лёгкага гумару перадаюць якаясна новае паняцце, прыносячы элемент нечаканасці, а гумарыстычны вобраз мястэчка “*былое райцэнтраўскай велічы*” становіцца выразна запамінальным. Выдзеленыя словы ў вершы У. Верамейчыка з’яўляюцца онімамі-загалоўкамі або іх фрагментамі самых значных праявіўных твораў Івана Навуменкі.

Некаторыя загалоўкі як алузіі кампанент усяго тэксту паўторна выкарыстоўваецца і абыгрываюцца ў новым тэксце для стварэння пэўнага культурна-гістарычнага каларыту, які засноўваецца на кампетэнцыі стваральніка новага тэксту (пісьменніка) і інтэлектуальна дасведчанага чытача. Алузіі кампанент, г. зн. паўтор вядомага чытачу, у новым тэксце, напрыклад, у вершы С. Чыгрына “Васілю Быкаву” уяўляе сабой тэкставы фрагмент з твораў В. Быкава, які адрозніваецца ад звычайных тым, што ён здольны ўскладняць новы вершаваны тэкст дзякуючы магчымасці сумяшчаць, спалучаць у адным азначэнні два, з іх адно належыць іншай сяміятычнай прасторы. Такім чынам, алузіі кампанент, у нашым выпадку – гэта загалоўкі або іх кампаненты з твораў В. Быкава, набывае выразна акрэсленую мастацка-эстэтычную напоўненасць, якая абыгрываецца, паўтараецца і актуалізуецца ў наступных вершаваных радках

паэта С. Чыгрына: *Вайна – гэта знак бяды, / яе немагчыма забыць. / А мёртвым не трэба вады, / А мёртвым ужо не баліць. // Праз порах і дым вайны, / Праз пасткі / І праз вышыні / Ішлі батальёна сыны / І воўчую зграю крушылі. // Абельскі вітаюць зару, / Жураўліныя крыкі ачнуцца... / Праз Альпы ў Беларусь / Пайсці, дажыць і вярнуцца.* (С. Чыгрын “Васілю Быкаву”). Алюзійнае выкарыстанне онімнай гульні ў тэкстаўтварэнні, актыўнае ўздзеянне іх на ўяўленне, эмоцыі, падсвядомасць чытача пры дапамозе самых розных анамастычных, тэматычных, вобразных, гукавых асацыяцый уяўляе сабой спецыфічны тып мастацкай семантыкі слова, які ў наш час набывае павышаную ўвагу і паглыбленае вывучэнне.

У канве вершаў рускамоўных паэтаў, якія пішуць пра Беларусь, нярэдка сустракаюцца беларусізмы, у тым ліку і онімы, якія творцы свядома этымалагізуюць, выкарыстоўваючы такое тлумачэнне ў вершаваным тэксце, як мастацкі прыём, пакладзены ў аснову ўсяго ідэйна-мастацкага стрыжня твора. Так, аналізуючы верш Б. Спрычана “Беларускія месяцы”, А. Гіруцкі звярнуў увагу, што ў гэтага паэта назвы ўсіх дванаццаці месяцаў разглядаюцца як уласныя моўныя адзінкі, а этымалагічныя падказкі да онімаў вельмі выразныя, пабудаваныя з выкарыстаннем таўталогіі і каламбураў. У яго паэтычных радках назвы месяцаў празрыстыя і лёгка тлумачацца, а мастацкія вобразы, створаныя спецыфічнай гульні аднакаранёвых слоў, вядомых у рускай і беларускай мовах, становяцца падкрэслена семантычна выразнымі і зразумелымі чытачу: *...следом травы из-под листьев ржавых / В мир несут красу / Красавика. / И запахнет цветом липы / Липень, / И Зарей нальётся в соты мёд. / И летит на землю снегом / Снежань. / Стынет бор в слепящей белизне... / Запахом березового сока / Из лесу сочится / Сакавик...* Народныя этымалогіі назваў месяцаў, умела выкарыстаныя паэтам, даволі пераканальныя і выразныя, у іх трапіла адлюстраваны не толькі векавыя назіранні сялян за станам прыроды ў канкрэтную пару года, а і асаблівасці сялянскага побыту [8, 183].

Вывады

Такім чынам, у творах беларускай мастацкай літаратуры і фальклору моўная гульня выступае як выразны кампанент вобразнай сістэмы ўласных імёнаў, якая арыентавана на дасягненне пэўнага нестандартнага эфекту і ўздзеянне на чытача з пэўным эмацыйным праяўленнем. Яна ў тэкстах набывае выразна акрэсленую мастацка-эстэтычную напоўненасць.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Мудрова, Н. В. Поэтика онимной игры : монография / Н. В. Мудрова. – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 144 с.
2. Лужанін, Максім. Колас расказвае пра сябе / М. Лужанін. – Мінск : Маст. літ. 1997. – 462 с.
3. Лепешаў, І. Я. Лінгвістычны аналіз літаратурнага твора : вучэб. дапам. : у 2 ч. / Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. – Гродна, 2000. – Ч. 2. – 122 с.
4. Малажай, Г. М. Сучасная беларуская мова. Перыфраза : [вучэб. дапам. для філал. фак. пед. ін-таў] / Г. М. Малажай ; пад рэд. Ф. М. Янкоўскага. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 96 с.
5. Верамейчык, У. Клянуся Прыпяццю / У. Верамейчык. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 191 с.
6. Бельскі, А. І. Функцыі пейзажу ў прозе Івана Навуменкі / А. І. Бельскі // Творчая асоба І. Навуменкі і праблемы беларускай філалогіі і адукацыі : зб. навук. арт. / рэдкал. : Т. І. Шамякіна (гал. рэд.). – Мінск : РІВШ, 2006. – 336 с.
7. Норман, Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. – Мінск : Выш. шк., 1987. – 222 с.
8. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : Университетское, 1990. – 175 с.

Паступіў у рэдакцыю 15.04.16

V. V. Shur

ONYM PUN IN BELLES-LETTRES AND FOLKLORE

The article deals with the pun, which is based on the onyms in the belles-lettres and folklore, the pun is regarded as an expressive component of an image system of proper names, it is focused on the achievement of a certain unusual effect and the impact on a reader with an entire emotional expression.

Keywords: onomasticon, onym, context, onym pun, allusion, wordplay, periphrasis.

УДК 81'282.2

С. А. Янковская

Кафедра естественных и лингвистических дисциплин и методик их преподавания,
преподаватель, кафедра русского языка русского языка, аспирант,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Республика Беларусь
Научный руководитель: Никитевич Алексей Васильевич,
профессор, доктор филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, заведующий
кафедрой русского языка ГрГУ им. Янки Купалы

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ПРОИЗВОДНЫХ ЛОКАТИВОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В ГОВОРАХ

В статье рассматриваются суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные единицы со значением локативности в словообразовании СРЛЯ и в диалектном словообразовании. Выделяются СТ производных единиц с локативной семантикой, общие для литературного языка и русских народных говоров, а также СТ, характерные только для территориальных диалектов. Отмечается, что наличие иных по структуре СТ в диалектном словообразовании обусловлено присоединением к основе диалектной мотивирующей единицы специфических суффиксов, комбинацией известных литературному языку словообразовательных средств в рамках одного типа, отсутствующего в СРЛЯ и др.

Ключевые слова: словообразовательный тип, литературный язык, русские народные говоры, диалектное словообразование, суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные единицы со значением локативности.

Введение

В современной теории словообразования придается большое значение исследованию различных микросистем и закономерностей их внутренней организации. Словообразовательные типы, представляющие основную единицу системы словообразования, являются важнейшим «инструментом» инвентаризации производных единиц той или иной словообразовательной семантики.

В дериватологии наиболее распространенным является такое определение СТ, при котором в качестве обязательного компонента указывается общность части речи базовых основ. Ср. в «Русской грамматике-80»: СТ – «схема построения слов определенной части речи, абстрагированных от конкретных лексических единиц, характеризующихся а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или другие словообразовательные средства)» [1, 135].

Точку зрения «Русской грамматики-80» с различными вариациями разделяют многие лингвисты, в частности, П. А. Лекант [2], И. Г. Милославский [3].

Вместе с тем известно и такое понимание СТ, при котором принадлежность мотивирующих к одной части речи в качестве одного из определяющих признаков не считается обязательным (работы В. И. Максимова [4], Ю. С. Азарх [5], Е. А. Земской [6]). Возможность такого подхода к выявлению существенных характеристик СТ обусловлена известными фактами тождества словообразовательного значения у производных с мотивирующими различной лексико-грамматической принадлежности, к примеру, у синтаксических дериватов. Учитывая это обстоятельство, некоторые ученые предлагают более детализированные классификации СТ. В частности, Ю. С. Азарх считает возможным в пределах типов с исходными единицами различных частеречных классов выделять соответствующие подтипы.

Для системы литературного языка и русских народных говоров среди суффиксальных, префиксальных, префиксально-суффиксальных единиц со значением места характерно наличие общих СТ, представляющих значение локативности. Это объясняется определенным единством словообразовательной подсистемы русского языка в целом.

В словообразовании СРЛЯ достаточно большое количество *nomina loci* принадлежат к СТ **S + -ник** и его «материально осложненным» модификациям **-арник / -атник (-ятник)** и др.: **свинарник, крольчатник, гусятник** (1-ое знач.) в [7]–[9] и др.

В диалектах СТ **S + -ник** представлен значительно большим количеством единиц, нежели в СРЛЯ, в связи с усложнением морфемной структуры слова нехарактерными для литературного языка наращениями **-ом-, -он-, -яж-, -няж-, -яч-, -ич-, -иш-, -оч-, -ош-, -ен-, -иль-, -уш-**. Сравните следующие СТ с суффиксом **-ник** в диалектах, осложненные различного рода наращениями производящих основ:

СТ **S + -омник**: *пихтѳмник* [10, т. 27, 58];

СТ **S + -онник**: *пихтѳнник* [10, т. 27, 58];

СТ **S + -яжник (-ячник, -яшник) / -няжник**: *сосня́жник* [10, т. 40, 55];

СТ **S + -ичник (-ишник)**: *кля́квичник* и *кля́квишник* (2-ое знач.) [10, т. 13, 320], *сморо́дичник* и *сморо́дишник* (от сморода) (1-ое знач.) [10, т. 39, 44];

СТ **S + -очник (-ошник)**: *кляквочник* и *кляквошник* [10, т. 13, 321];

СТ **S + -енник**: *мороше́нник* [10, т. 18, 277];

СТ **S + -ильник**: *сморо́дильник* (1-ое знач.) [10, т. 39, 43];

СТ **S + -ушник (-юшник)**: *свинѳшник* и *свинѳшник* (1-ое знач.) [10, т. 36, 288–289].

В силу многих причин диалекты являются благодатной почвой для образования специфических для литературного языка СТ со значением места в результате присоединения к основе мотивирующей единицы нехарактерных для литературного языка суффиксов. Сравните следующие СТ, мотивированные существительными и прилагательными, со значением места: **S + -нюг (-нюк)** (*березнѳг* [10, т. 2, 252], *ивнѳг* [10, т. 12, 60], *осиннѳг* [10, т. 24, 8]); **S + -нюшек** (*березнюшек* и *березнюшек* [10, т. 2, 252]); **S + -няшк(а)** (*березняшка* [10, т. 2, 252]); **S + -уг(а)** (*можжѳга* [10, т. 18, 201]); **S + -арух** (*свинѳрух* [10, т. 36, 281]; *л.овчѳрух* и *овчѳрух* [10, т. 22, 306]); **Adj + -отин(а)** (*глыботина́* [10, т. 6, 220], *глуботина́* [10, т. 6, 207], *низѳтина* [10, т. 21, 229]); **Adj + -отк(а)** (*светлѳтка* [10, т. 36, 265]); **Adj + -енысть / -женысть** (*глубженысть* [10, т. 6, 205]); **Adj + -едь** (*низде́ь* [10, т. 21, 225]); **Adj + -ц(а)** (*низѳца́* [10, т. 21, 229]); **Adj + -овыть(е)** (*пустовѳтье* [10, т. 33, 145]); **Adj + -ажк(а)** (*болѳта́жка* [10, т. 3, 78]); **Adj + -очь** (*редѳчь* (1-ое знач.) [10, т. 35, с. 21–22]) и др.

В русских народных говорах формально сходные с литературным языком СТ семантически более богаты, так как они не ограничиваются исключительно выражением тех значений, которые зафиксированы в литературном языке, но и могут представлять иные значения, в частности, локативную семантику. Так, например, в литературном языке единицы, относящиеся к СТ **S + -ач**, представляют исключительно значение лица по преобладающему признаку (**си́лѳч, уса́ч**) [1, 186]. В русских народных говорах подобные образования могут выражать также и значение места: *пихтѳч* (1-ое знач.) [10, т. 27, 58]. Такое семантическое расширение характерно и для других диалектных СТ. Например:

- в литературном языке производные единицы СТ **S + -ак (-як)** называют лиц (**земля́к, рыба́к**), животных (**рыса́к, лоша́к**), в частности лиц мужского пола (**дура́к, ве́дьма́к**) и самцов животных (**гуса́к**), пород и минералов (**свинча́к, искря́к**), других предметов и явлений (**ветря́к, ко́стяк**) [1, 185–186]. Сравните с реализацией значения локативности в говорах: *кедрѳ́к* [10, т. 13, 173], *можжѳ́к* [10, т. 18, 200], *ольшѳ́к* [10, т. 23, 193], *кедрѳ́к* [10, т. 13, 174];

- в СРЛЯ производные единицы СТ **S + -ар** называют лицо, характеризующееся отношением к предмету, названному мотивирующим словом: **бѳча́р, гу́сля́р, шко́ля́р** [1, 188]. В диалектах же данный тип может представлять значение локативности: *свинѳ́р* [10, т. 36, 280];

- в литературном языке производные единицы СТ **S + -их(а)** выражают модификационное значение лица женского пола (**сто́рожи́ха, по́вари́ха**), а также называют самок животных (**волчи́ха, лоси́ха, оле́ни́ха**) [1, 201–202]. Сравните, как с помощью суффикса **-их(а)** реализуется значение места в говорах: *пепѳ́иха* (1-ое знач.) [10, т. 25, 349];

- в СРЛЯ производные единицы СТ **Adj + -яг(а)** называют лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом: **бе́дня́га, до́бря́га, здо́ровья́га** [1, 174]. При этом такие образования несут фамильярную окраску. В диалектах единицы, принадлежащие к данному СТ, могут представлять также и значение места: *ма́ляга* [10, т. 17, 348];

• в литературном языке производные единицы СТ **Adj + -ун** представляют значения «лицо», «животное», «неодушевленный предмет» [1, 176–177]. В диалектном словообразовании единицы данного СТ имеют локативное значение: *слабун* [10, т. 38, 210];

• в СРЛЯ производные единицы СТ **V + -ух(а)** называют лицо женского пола (*стряпуха, щебетуха*), животное (*скакуха, пищуха*), неодушевленный предмет (прост. *развалюха, свистуха*) [1, 152]. В говорах единицы, принадлежащие к данному СТ, выражают локативную семантику, сравните: *скрипу́ха* и *скрыту́ха* (1-ое знач.) [10, т. 38, 142], *складу́ха* [10, т. 38, 19];

• в литературном языке производные единицы СТ **V + -ыш** называют лиц, а также животных (*оборвыш, подкидыш*), неодушевленные предметы (*оскребыш, обглодыш*) [1, 154]. Сравните, как с помощью суффикса **-ыш** реализуется значение места в говорах: *рубы́ш* [10, т. 35, 229].

В диалектах отмечены единицы, принадлежащие к СТ с иной, нежели в литературном языке, структурой: наличием в составе слова суффиксальных морфем при сохранении префиксов, аналогичных префиксам СРЛЯ. Так, в литературном языке и в говорах среди локативных существительных с префиксом **за-** и различными суффиксами отмечаются СТ **за- + S + -ок** (*зашеек*), **за- + S + -ин(а)** (*закраина*), **за- + S + -j-** (*заплечье, запястье*) [1, 232]. Однако сравните обнаруженные в диалектном словообразовании локативные существительные, принадлежащие к нехарактерным для СРЛЯ словообразовательным типам, в структуре которых сохраняется префикс **за-** и фиксируются иные суффиксы:

СТ **за- + S + -иц(а)**: *залёсица* (1-ое знач.) [10, т. 10, 201];

СТ **за- + S + -к(а)**: *за́сторонка* и *засторо́нка* (1, 2, 5, 6-ое знач.) [10, т. 11, 64].

Эта особенность отмечается в ряде других префиксально-суффиксальных локативных существительных.

С префиксом **на-** в литературном языке и в говорах значение локативности представляют единицы, принадлежащие к СТ **на- + S + -j-** (*нагорье, надворье*) [1, 232–233]. Сравните с материалом русских народных говоров, где отмечаются иные по структуре СТ единиц со значением места с префиксом **на-** и различными суффиксами:

СТ **на- + S + -иц(а)**: *найзби́ца* [10, т. 19, 294];

СТ **на- + S + -н(я)**: *напо́рня* (2–3-ье знач.) [10, т. 20, 224];

СТ **на- + S + -ень**: *на́топорень* [10, т. 20, 224];

СТ **на- + S + -к(а)**: *нау́лка* [10, т. 20, 248], *наше́стка* [10, т. 20, 296–297];

СТ **на- + S + -ниц(а)**: *нахле́вница* [10, т. 20, 260];

СТ **на- + S + -ок**: *нахребёток* [10, т. 20, 272], *наше́сток* [10, т. 20, 297].

Значение локативности в СРЛЯ и в русских народных говорах представляют также единицы с префиксом **над-**, принадлежащие к СТ **над- + S + -иј- (-j-)** (*надбровье*) [1, 233]. Однако говоры позволяют выделить неизвестные современному русскому литературному языку СТ локативных существительных с данным префиксом. Например:

СТ **над- + S + иц(а)**: *нады́збица* [10, т. 19, 258];

СТ **над- + S + -ниц(а)**: *надпо́рожница* [10, т. 19, 248];

СТ **над- + S + -ок**: *надживо́ток* [10, т. 19, 234].

С префиксами **меж-** (*между-*) в литературном языке и в говорах значение локативности представляют единицы, принадлежащие к СТ **меж- (между-) + S + -иј- (-j-)**: *межбровье, междугорье* [1, 232]. Сравните с материалом русских народных говоров, где отмечаются СТ единиц со значением места с префиксами **меж-** (*между-*, *меже-*, *межи-*) и различными суффиксами:

СТ **между- (меж-) + S + -ник**: *межсарайник* [10, т. 18, 90];

СТ **между- (меже-) + S + -ок**: *междулёсок, межелёсок* [10, т. 18, 82];

СТ **меже- (межи-) + S + -к(а)**: *межедво́рка* и *межидво́рка* (1-ое знач.) [10, т. 18, 81], *межигрядка* [248, т. 11, с. 87].

Кроме того, значение места в СРЛЯ и в русских народных говорах выражают единицы с префиксами **пред-, при-, под-**, относящиеся к СТ **пред- + S + -ник** (*предбанник*), **пред- + S + -j-** (*предгорье, предмостье*) [1, 234–235]; **при- + S + -j-** (*приморье, приозерье*), **при- + S + -ок** (*пригорок, приселок*) [1, 235]; **по- + S + -j-** (*побережье, поморье*) [1, 233–234]; **под- + S + -ок / -ек** (*подлесок, подпечек*), **под- + S + -иј- (-j-)** (*подглазье, подгорье, подстепье*), **под- + S + -н(я)** (*подворотня*) [1, 234].

Для сравнения СТ единиц с локативной семантикой, характерные только для русских народных говоров, с префиксом **пред-**:

СТ **пред-** + **S** + **-иц(а)**: *преды́збица* [10, т. 31, 80];

СТ **пред-** + **S** + **-ок / -ек**: *преда́мбáрок* [10, т. 31, 75], *предба́нок* [10, т. 31, 75], *предне́чек* [10, т. 31, 78];

СТ **пред-** + **S** + **-к(а)**: *предба́нка* [10, т. 31, 75];

СТ **пред-** + **S** + **-чик**: *предба́нчик* [10, т. 31, 75];

с префиксом **при-**:

СТ **при-** + **S** + **-иц(а)**: *примо́щица* [10, т. 31, 300];

с префиксом **по-**:

СТ **по-** + **S** + **-чик**: *попу́тчик* (1-ое знач.) [10, т. 30, 20–21];

с префиксом **под-**:

СТ **под-** + **S** + **-иц(а)**: *подворо́тница* (1-ое знач.) [10, т. 27, 368];

СТ **под-** + **S** + **-яшк(а)**: *подголо́вьяшка* [10, т. 27, 377];

СТ **под-** + **S** + **-иц(а)**: *подберё́жица* (1-ое знач.) [10, т. 27, 335], *подбо́рица* [10, т. 27, 343].

Таким образом, в диалектах возможно наличие единиц, принадлежащих к иным СТ, частично отличающимся по структуре от СТ литературного языка за счет наличия суффиксальных морфем. Такая особенность характерна не только для диалектных производных единиц, мотивированных именами существительными, но и наблюдается среди единиц, мотивированных прилагательными.

Так, в литературном языке среди префиксально-суффиксальных единиц с префиксом **за-**, мотивированных именами прилагательными, в «Русской грамматике-80» фиксируются единицы только одного СТ **за-** + **Adj** + **-j-** (**Заполярье, Зааралье**) [1, 237]. Говоры позволяют расширить число СТ производных локативов с данным префиксом, мотивированных именами прилагательными. Сравните:

СТ **за-** + **Adj** + **-ок / -ек**: *за́тишек, зати́шек* и *затишо́к* (1, 2-ое знач.) [10, т. 11, 94];

СТ **за-** + **Adj** + **-иц(а)**: *затиши́на* [10, т. 11, 94–95];

СТ **за-** + **Adj** + **-к(а)**: *зати́шка* (2-ое знач.) [10, т. 11, 95].

В диалектном словообразовании отмечается целый ряд других СТ единиц со значением локативности, отсутствующих в литературном языке. Например:

СТ **с-** + **S** + **-иц(а)**: *сдво́рина* [10, т. 37, 57];

СТ **с-** + **S** + **-ок**: *сдво́рок* [10, т. 37, 57];

СТ **раз-** + **Adj** + **-иц(а)**: *разглу́щица* (1-ое знач.) [10, т. 33, 303];

СТ **раз-** + **Adj** + **-j-**: *разглу́ше* (1-ое знач.) [10, т. 33, 303];

СТ **по-** + **Adj** + **?**: *по́редь* [10, т. 30, 54] и др.

В русских народных говорах возможна также комбинация известных литературному языку словообразовательных средств в рамках одного типа, отсутствующего в СРЛЯ. Сравните, например диалектный локатив *1.на́низь* [10, т. 20, 48], принадлежащий к СТ **на-** + **A** + **?**. Так, в СРЛЯ хорошо известны префикс **на-** и **нулевой суффикс**. Однако достаточно трудно привести пример единицы литературного языка, морфемная структура которой включала одновременно два данных словообразовательных средства, и при этом, чтобы единица была мотивирована именем прилагательным. В «Русской грамматике-80» среди префиксально-суффиксальных единиц со значением места, мотивированных прилагательными, фиксируются только единицы СТ **за-** + **Adj** + **-j-** (**Заполярье, Зааралье**) и **при-** + **Adj** + **-j-** (**Приполярье, Приазовье**) [1, 237–238]. СТ **на-** + **A** + **?** в «Русской грамматике 80» не отмечен.

Для диалектов характерно наличие таких *nomina loci*, которые принадлежат к общим с литературным языком СТ. Так, в словообразовании СРЛЯ отдельное место занимают префиксальные локативные существительные, мотивированные существительными и принадлежащие к СТ **за-** + **S** (**загород** (разг.), **заграница**) [1, 228]; **при-** + **S** (**пригород, Прибалтика**) [1, 230]; **суб-** + **S** (**субстратосфера, субтропики**) [1, 231]. В данном случае морфемная структура данных производных единиц со значением места включает префиксы **за-**, **при-**, **суб-**. Однако сравните присоединение иных префиксов к мотивирующим основам

существительных в диалектном словообразовании (префиксов **на-** и **по-**) и, как следствие, появление СТ, отсутствующих в литературном языке:

СТ **на-** + **S**: *наизба́* [10, т. 19, 294]; *на́печь* [10, т. 20, 74];

СТ **по-** + **S**: *по́брежь* [10, т. 27, 205].

В процессе образования префиксальных и префиксально-суффиксальных диалектных *potina* *loci* отмечается также присоединение известных литературному языку аффиксов к нехарактерным для литературного языка мотивирующим основам. Так, например, в СРЛЯ локативные существительные **свинарня**, **овчарня** представляют СТ **S** + **-ар/н(я)**, мотивирующими единицами которых являются имена существительные. В говорах диалектный материал позволяет выделить СТ с идентичным суффиксом **-арн(я)**, мотивирующей единицей для которого является адъектив. Сравните, например, локатив русских народных говоров *пустарня́* [108, т. 33, 142]. В данном случае в диалектном словообразовании отмечается специфический для литературного языка СТ **Adj** + **-арн(я)**.

Таким образом, для диалектной системы языка и системы словообразования СРЛЯ характерно наличие как общих СТ производных единиц со значением места, так и СТ, существующих только в говорах и нехарактерных для литературного языка.

Наличие иных по структуре СТ в диалектном словообразовании обусловлено рядом причин: усложнением морфемной структуры диалектного слова, в особенности суффиксов, за счет нехарактерных для литературного языка наращений; присоединением к основе диалектной мотивирующей единицы специфических суффиксов; комбинацией известных литературному языку словообразовательных средств в рамках одного типа, отсутствующего в СРЛЯ и др.

Кроме того, в русских народных говорах отмечается увеличение возможностей производных единиц, принадлежащих к различным СТ, в представлении ЧСЗ. Так, в диалектах, наряду с широким спектром словообразовательных значений литературного языка, СТ реализуют также локативную семантику, которая в СРЛЯ может быть не связана рамками того или иного конкретного словообразовательного типа.

Перечень сокращений и условных обозначений

СТ – словообразовательный тип

СРЛЯ – современный русский литературный язык

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
2. Современный русский язык : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др.; под ред. П. А. Леканта. – М. : Дрофа, 2000. – 560 с.
3. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский // Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учебник ; под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб. : изд-во «Лань», 2003. – С. 330–379.
4. Максимов, В. И. Морфемика и словообразование / В. И. Максимов // Современный русский литературный язык : учебник ; под ред. акад. РАО В. Г. Костомарова и проф. В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2003. – С. 307–362.
5. Азарх, Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. – М. : Наука, 1984. – 248 с.
6. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская ; Ин-т рус. яз. РАН. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
7. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.–СПб. : Наука, 2004–2011. – Т. 1–19.
8. Янковская, С. А. Образование локативных субстантивов с частным словообразовательным значением (ЧЗС) ‘там, где живет тот, кто назван производящей основой’ в современном русском литературном языке / С. А. Янковская // Русский язык : система и функционирование (к 75-летию филологического факультета БГУ) : сб. материалов VI Междунар.

науч. конф., Минск, 28–29 окт. 2014 г. : в 2 ч. / БГУ ; редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 294–299.

9. Янковская, С. А. Локативные существительные, образованные от дендронимов и названий ягод / С. А. Янковская // Язык. Общество. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 20–21 марта 2012 г. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. : Л. М. Середа (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2012. – Ч. 2. – С. 231–236.

10. Словарь русских народных говоров : 1965–2013. – М. – СПб. : Изд-во Академии наук СССР ; Институт лингв. исследований РАН. – Вып. 1–45.

Поступила в редакцию 27.01.16

E-mail: sv-y@yandex.ru.

S. Yankouskaya

WORD-FORMATION TYPES OF DERIVED UNITS WITH A VALUE OF LOCATIVE IN LITERARY LANGUAGE AND DIALECTS

The article deals with suffix, prefix and prefix-suffix items which bear locative meaning in Modern Russian Literary Language and dialectal wordbuilding. Some derivational types which bear locative semantics are found out; they are supposed to be general for both literary language and Russian folklore sayings and `dialects. It is stated that some other wordbuilding types found in dialectal wordbuilding; it is determined by joining special suffixes to the stem of dialectal motivated item. Such combinations are well-known within a literary language as a wordbuilding means of a special type, which is absent in Modern Russian Literary Language, etc.

Keywords: wordbuilding type, literary language, Russian folklore saying, dialectal wordbuilding, suffix, prefix, prefix-suffix items bearing locative meaning.